

БОРОНОВО ДВОРЕЦ РОСТОПЧИНА*

История Воронова, насколько нам известно, начинается с упоминания о том, что это владение принадлежало Александру Ивановичу Воронову-Волынскому.

Род Волынских сыграл заметную роль в истории России, и здесь стоит упомянуть о его истоках, о тех, к кому восходит ветвь первого известного его владельца, сведения о котором мы почерпнули в Воронове.

Этот род восходит к Дмитрию Михайловичу Боброку, последний взял себе фамилию Волынский и передал ее своим потомкам [1]. Приехав из Волыни в середине XIV века, он женился на княгине Анне Ивановне, сестре знаменитого князя Дмитрия Донского и принял участие в Куликовской битве (8 сентября 1380), определив ее победный исход [2].

Другие, однако, предполагают, что Боброк Волынский происходил из старинного княжеского рода, царствовавшего в Волыни.

Оба сына, Давид и Борис, рожденные от первого брака Боброка Волынского, были боярами при дворе своего троюродного брата Василия II Ивановича:

Давид основал ветвь Вороновых-Волынских, она прервалась в XVI в.

Борис же имел шесть сыновей, из них четверо положили начало разным ветвям этого рода.

Старшая ветвь прервалась в эпоху правления Елизаветы на Петре, единственном сыне Артема. К этой ветви относили и жену Семена, первого графа Салтыкова.

Вторая ветвь прекратила свое существование также в XVIII в. Дочь последнего потомка этого семейства вышла замуж за знаменитого князя Долгорукого-Крымского.

* Издано в Париже в 1909 г. Перевод с французского Татьяны Сидоровой осуществлен 18 мая 2010 года по заказу «Подольского альманаха». Публикация А.А. Агафонова ©.

Следы третьей ветви теряются в XVII в. Трюродная сестра последнего представителя этого семейства, Анна Федоровна[3], вышла замуж за боярина Петра Васильевича Шереметева[4], отца графа фельдмаршала Бориса Шереметева.

Четвертая ветвь Волынских угасла в 1837 г. на Михаиле Михайловиче [5], друге графа Аракчеева.

Однако вернемся в Вороново, и, ведя последовательный рассказ о его хозяевах, будем уделять больше внимания тем, чья роль в истории России стала более значимой.

Александр Иванович, сын Ивана Федоровича и правнук Михаила Григорьевича Вороново-Волынского, который в 1501 г. стал дворецким [6], был первым достоверно известным владельцем Воронова.

Его дочь, Марфа Александровна, супруга Дмитрия Булгакова, в 1629 передала бывшее владение своего отца монастырю Святого Сергия, и в 1629 имение Вороново было вписано в монастырские книги как дар от Марфы Булгаковой, принявшей послушание в Вознесенском монастыре Московского Кремля [7].

В книге Патриарших указов записано:

«Село Вороново, что на ручье Вороновка в устье ручья Бобровка (1627-1628), Московской губернии, Перемышлево-Волынской волости, вотчина монастыря Святого Сергия, ранее Вознесенского монастыря, принадлежало старице Марфе Александровне, дочери Вороново-Волынского, супруге Дмитрия Булгакова; бывшее имение

VORONOVO

LE CHATEAU DE ROSTOPTCHINE

PAR

Le Baron de BAYE

PARIS

LIBRAIRIE NILSSON

7, RUE DE LILLE, 7

1909

ее отца Александра Ивановича Вороного-Волынского. В селе имеются: господский дом, дом управляющего, два дома прислуги, два крестьянских дома и шестнадцать бобыльских [8] домов с семнадцатью душами. Это владение занесено в Писцовую Книгу [9] как принадлежащее монастырю Святой Троицы согласно дарственной Марфы Булгаковой от 1629 г.»

В этом же перечне значится: «В 1627 г. в Воронове уже была деревянная церковь Креста Христова, построенная «клецки» [10], но стояла без пений».

В 1640 г. Федор Васильевич Волынский подал ходатайство (Челобитную) и выкупил Вороново у монастыря Святой Троицы.

Этот Федор Волынский служил воеводой [11] в Сургуте (1610), потом в Можайске (1618). В 1633 он был воеводой в Дорогобуже [12] (Акты московского государства. Военный департамент, Московская канцелярия, т. 1, стр. 495, составлен Н. Поповым. СПб, 1890) (на русском языке). 4 июня 1635 г. он получил титул окольного [13], а в 1641 г. был назначен управляющим Ямского приказа. Он женился на Ирине Прокофьевне Ляпуновой, скончавшейся в 1611 г. (?), дочери знаменитого Прокофия Ляпунова, героя войны эпохи Междоусарствия, зверски убитого казаками в 1609 [14].

Окольный Федор Волынский составил завещание, согласно которому его сестра Марфа Волынская. [15] должна была передать свое имение в Воронове монастырю Троицы Святого Сергия и поклясться в том, что их семья никогда не сможет выкупить его обратно.

В книге о Чудесах Святого Сергия мы находим сюжет, посвященный этой сделке:

«Окольный Федор, забыв о клятве (которую он дал) и о Страшном суде... начал заводить разговоры с настоятелями монастыря о том, чтобы вернуть обратно владение своей сестры – деревню Вороново. Настоятели очень возмутились и сказали ему: «Ты знаешь об условии завещания твоей сестры. От этой клятвы мы не сможем тебя освободить». Тогда Федор Волынский разозлился, завладел деревней (Вороново) без разрешения и вместо 1 700 рублей дал только 150, ссылаясь на то, что действует в интересах своих детей, своих двоих сыновей. Затем стал он вести жизнь очень веселую: часто устраивал празднества, сытно ел и сладко пил, играл на тимпане, зурне и литаврах [16], будто справлял победу. Так вел он себя

прямо перед входом в святой монастырь. Братья были очень возмущены, но не решались показать ему свое отношение. И вдруг сразила его страшная болезнь: один глаз его словно онемел и моргать перестал; рот ему перекосило; и на лицо он страшен стал. Тогда понял он, как много на нем грехов, прильнул он к мощам Святого Сергия и взмолился о прощении. После почувствовал облегчение, вернулся к занятиям своим и стал любезным ко всем. Однако владение своей сестры оставил себе, упрямылся вернуть его монастырю. И даже был доволен тем, что отобрал его у монахов; хвастался тем, что противится последней воле сестры своей и сквернословил о монахах монастыря Святого Сергия».

«...Но вскоре Бог покарал его: сначала умер один его сын, а затем и второй его наследник. Долго плакал он и сокрушался».

«После такого удара попросил он прощения у настоятелей за проступки свои... И снова одолела его та же болезнь, только с большей силой; шея его искривилась, голова скосилась на бок; и еще страшнее – стал он нем. И осознал он тогда тяжесть грехов своих перед чудотворцем Сергием, понял, что нарушил клятву в завещании сестры своей, и согласился с тем, что гнев святого им заслужен. Оставив все дела свои, уехал он в Москву, слезно умоляя Святого Сергия о прощении и об исцелении. Вскоре здоровье вернулось к нему, и он воротился преклониться перед Святым Сергием, поблагодарить его и просить о прощении настоятелей монастыря. Он вернулся в свой дом, но скоро скончался и был похоронен в монастыре Святого Сергия» [17].

Федор Васильевич Волынский умер в 1646 г. [18]. После его смерти Вороново осталось в собственности его семьи. Нам известно, что в 1663 г. оно принадлежало трем его братьям: Василию (скончался в 1683), Михаилу (скончался в 1669) и Якову Семеновичу Волынскому.

В 1678 г. Вороново принадлежит старшему из трех его братьев – Василию Семеновичу и его племянникам: Ивану Михайловичу и Ивану и Михаилу Яковлевичам Волынским. У двух последних была еще и сестра – Фекла Яковлевна Волынская, супруга генерала графа Семена Андреевича Салтыкова. Она родилась в 1672 г., а умерла в 1742 г. Их сын, фельдмаршал граф Петр Семенович, одержал победу над Фридрихом II в битве при Кюнерсдорфе; его архивы находятся в Красной Пахре.

Именно тут и стоит рассказать о Василии Семеновиче Волинском, имя которого вписано в историю России.

Василий Семенович Волинский начал службу при дворе в качестве рынды [19] и присутствовал на приемах иностранных послов. В 1650 г. он участвовал в подавлении восстания жителей Новгорода. Затем был назначен воеводой города Одоева [20]. В 1658 г. стал окольным. В 1663 г. вошел в состав приказа [21] по делам заключенных. В 1668 г. он возглавил полицейский приказ. В то же время он был наместником [22] в Чебоксарах [23]. А в 1671 г. его поставили возглавлять посольство в Андрусове, целью которого были предварительные переговоры с поляками о мире; 18 июня 1676 г. он получил титул боярина. Чуть позже он попал в немилость к царю, но на его защиту встал уважаемый боярин Матвеев. Однако несколько лет спустя Волинский повел себя неблагодарно по отношению к своему заступнику и посодействовал отправке боярина Матвеева в ссылку. В 1677 г. Волинский был назначен главой посольского приказа (соответствует Министру иностранных дел). 21 декабря 1681 г. он становится хранителем печатей [24], наместником в Обдорске (Сибирь) и боярином, приближенным к царю. Он участвует в подписании в Бахчисарае договора между Россией и Крымским ханством о прекращении вражды с Портой.

Именно он отправляет в 1680 г. стольника Петра Потемкина (при правлении Людовика XIV) во Францию и Испанию.

В книге Патриарших указов [25] за тот же год мы читаем:

«Церковь Обретения Святого Креста в Воронове стоит без попа из-за чумы, а когда поп был, то получал он ругу [26]; церковь находится в пятидесяти верстах от Москвы по Калужской дороге. Село Вороново принадлежит боярину Василию Семеновичу Волинскому.»

В 1681 г., спасаясь от чумы, он переехал в Польшу. 12 января 1682 г. Волинский подписал акт об упразднении местничества [27].

Вскоре после этого царь Федор Алексеевич умер, и начался Стрелецкий бунт [28]. Тогда Волинский удалился в Вороново, где и прожил до своей смерти 16 сентября 1682 г.

Василий Волинский был недурен на вид, в молодости его даже можно было назвать красивым, однако по своей натуре это был завистливый, неблагодарный человек заурядных способностей.

*Церковь Спаса Нерукотворного
образа в Воронеже*

Своей блестящей карьеры он добился, усердно угодничая перед лицами, пользовавшимися расположением царя. Как только он добивался своей цели, как только у него в руках оказывалась власть, становился с ними весьма надменным. Именно так, по крайней мере, его описывают современники.

А жена его держала вышивальщиц золотом, которые обслуживали царский двор [29].

Сохранились портреты маслом Василия Семеновича Волынского, некоторые можно найти в Московском историческом музее, другие – в архивах

Министерства иностранных дел [30]. На наших страницах я привожу его последний сохранившийся портрет.

Нам известны также и гравюрные портреты этого человека. Один из них – репродукция оригинального портрета, сохранившегося в архивах Министерства иностранных дел. Он входил в коллекцию портретов Платона Бекетова [31]. Я видел еще один, исполненный Скотниковым, у графа Сергея Шереметева в Михайловском.

С 1704 по 1726 г. владельцем Воронова был Василий Иванович Волынский. Именно при нем (12 августа 1707 г.) в Воронове была освящена церковь Святого Лика (Спаса Нерукотворного образа. – А.А.), построенная на месте прежней.

Артемий Петрович, сын Петра Артемьевича, Казанского воеводы (1662) и стольника (1676), стал хозяином Воронова в 1728 г. Личность Артемия Волынского интересна, смерть его печальна, и, конечно, он заслуживает того, чтобы в нескольких словах мы рассказали о роли, которую он сыграл в истории.

Он был троюродным племянником Василия Семеновича Волынского, о котором мы вели рассказ выше.

Артемий Волынский родился в 1689 г. Своим образованием был обязан семье С.А. Салтыкова, из которой происходила его мать. В

1704 г. солдатом он начал служить в драгунском полку, а уже в 1711-м поднялся до капитана и был приставлен к Шафирову, с ним же участвовал в Прутской кампании и был пленен в 1712 г. А в следующем, 1713-м году, ему поручили доставить Петру Первому Андринопольский договор. В 1715 г. в двадцать шесть лет царь направил его в Персию в должности полномочного посла с заданием наладить торговые отношения между Персией и Россией.

Артемий Волынский покинул Санкт-Петербург 10 июля 1715 г., а 14 марта 1717 г. прибыл в Испахан (Исфаган – город в Персии. – А.А.), где его принимал шах Хусейн. В 1718 он вернулся в Санкт-Петербург, и Петр Великий назначил его полковником гвардии, генерал-адъютантом и губернатором Астрахани.

Из Астрахани Екатерина I отправила Артемия Волынского в Казань на ту же должность.

При Петре II он занимал пост Российского министра в Гольштейне.

После дворцового переворота княгини Анны 1730 он вернулся в Россию. В ту пору всю полноту власти имел Бирон.

По линии жены, Александры Львовны Нарышкиной (скончавшейся 12 сентября 1730 г.), Артемий Волынский приходился троюродным племянником Петру I и двоюродным дедушкой Петру II.

После смерти жены он написал своему дяде Семену Сергеевичу Солтыкову следующее:

«12 сентября Бог послал мне тяжелую боль, умерла жена, и я не могу выразить, как горько мне от этого. Вы знаете, что она была прекрасным созданием, и что я любил ее. Конечно, в моей грусти я благодарю Бога за то, что он послал мне детей; но, тем не менее, они не могут служить мне утешением; их существование вызывает во мне очень горькие мысли, поскольку они напоминают мне маленьких, похожих друг на друга червячков, незначительно отличающихся друг от друга по возрасту. Да хранит их Бог. В действительности, если мне отведено немного, жизнь этих бедняжек будет сущим несчастьем. Вы же знаете, дорогой отец, что семьи у меня больше нет, и живу я один».

В этом эмоциональном письме, написанном за девять лет до его трагической смерти, уже звучат нехорошие предчувствия.

В самом начале правления царицы Анны, принявшей престол, подписав условия, навязанные князем Василием Долгоруким и со-

товарищами якобы в интересах народа, Артемий Волинский губернаторствовал в Казани и оттуда написал письмо своему двоюродному брату капралу Волинскому, который находился в Москве, и приложил к нему свой подробный доклад и письмо 1730 года.

По нашему мнению, не было бы лишним привести здесь несколько фрагментов из его доклада, поскольку в них отражены суждения государственного деятеля о родном государстве и событиях, происходивших в начале правления царицы Анны. Это очень малоизвестный документ, представляющий большой интерес, принимая во внимание эпоху, в которую он был составлен.

«Мы знаем, к чему у вас (в Москве) идет дело и что уже сделано для республики (sic). Не нравится мне все это. Не дай Бог, вместо одного самодержца у нас будет несколько десятков влиятельных и тираничных семей. Если такое случится, нам, знати, придет конец. Придется поклоняться нескольким идолам, искать расположения многих высокопоставленных чиновников. Будет нелегко снискать расположение нынешних вельмож. Какими бы хорошими ни были их нынешние отношения, нужно ожидать, что со временем они разделятся на группы, раздираемые завистью и взаимными распрями. Дойдет до того, что если одни будут проявлять к нам благосклонность, другие от этого станут вредными или даже опасными для нас».

«Во-вторых. – Поскольку народ наш трусоват и лишен гражданской смелости а, следовательно, совершенно не заботится об общем благе, никто от страха либо рта не раскроет, либо каждый, преследуя свой интерес, будет искать расположение влиятельных особ. И даже если правительство решит советоваться с народом, всегда будут льстецы и бездельники, которые скажут то, что нравится власть предержащим; а те, кто осмелятся сказать правду, будут обречены на неминуемую гибель, поскольку политические решения будут все равно держаться под секретом. Даже более того, влиятельные персоны обзаведутся своими людьми среди народа; и, соответственно, те, кто получают больше голосов, будут делать, что им угодно. Они будут защищать и продвигать нужных им людей, а достойный человек останется без поддержки на заднем плане».

«В-третьих. – Храни нас Бог от такого! И если случится война, народ сам будет заниматься набором в армию и принимать другие необходимые меры для обороны и сохранения государства; и это

притом, что каждый должен будет участвовать в деле всеобщего спасения и сознательно идти на жертвы. Как будем собирать голоса, если потребуется принимать срочные решения, на которые будет отводиться не больше недели? а менее срочные? В итоге, любой избранный способ, всегда будет защищать интересы тех, за кем привилегии и влияние, а мы средний класс (между властями и простым народом), будем за все платить и больше всех страдать».

«В-четвертых. – Если офицеры не будут обладать никакими привилегиями и не будут пользоваться уважением гражданских, соответственно, исчезнет еще одна привилегия – идти на службу. Офицеры потеряют уважение, а армия – дисциплину.

«В-пятых. – Мы понимаем, что военная служба не будет принудительной, поскольку весьма тяжело служить против своей воли. Однако это правило не может быть повсеместным. В действительности, не секрет, что народ наш трудно сподвигнуть на что-либо, он ленив и неамбициозен. Без руководства все сведется к следующему: с чего вдруг те, кто дома у себя ничего вкуснее хлеба черного не едал, решатся работать, улучшать жизнь свою, искать почестей, добывать себе кусок повкуснее? Они предпочтут сидеть дома и спать в свое удовольствие. Тогда нам придется отдавать на службу своих крестьян и прислугу, поскольку мы действительно должны будем предоставить народу то, на что он будет иметь законное право. Таким образом, мы посадим себе на шею людей, не знающих порядка и справедливости, которые, в конце концов, прогонят нас самих и безвозвратно разрушат дисциплину в армии. И под командованием таких военачальников – Упаси Боже! – новоиспеченные солдаты быстро станут еще менее дисциплинированными и более жестокими, чем стрельцы. Как без хороших офицеров генералы смогут удерживать их от бесчинства и принуждать к исполнению долга!»

«В-шестых. – Кроме того, если в пехоте будет служить народ, привыкший к жизни на земле, какое занятие выберут они взамен? Лишь немногие захотят продолжать возделывать землю, а остальные найдут себе более удобный способ обогащения – грабежи и насилие. Их жилища станут складами награбленных вещей. Если бы я мог выбирать, то предпочел бы тех, у кого по пятьдесят, ну, самое малое, по тридцать крестьянских домов; я бы добавил еще, чтобы они служили много лет и с самого своего становления привыкли к строгой дисциплине, и не по своей воле» [32].

Вернемся к биографии Артемия Волынского и проследим ее до его печальной кончины. В 1732 г. он стал главой конюшенного ведомства Империи, а в 1734 г. был назначен генерал-лейтенантом, и в 1736 г. – обер-егермейстером и главнокомандующим.

В 1737 г. Артемий Волынский вместе с бароном Шафировым был направлен на конгресс в Немирове, в Польшу. В 1738 г. он был назначен министром.

В 1740 г., когда в Порте был подписан мир, он получил 25 000 рублей. В это время начались его разногласия с коллегами по кабинету министров, а именно с Остерманом и Бироном. Он представил императрице заметки, в которых речь шла о превышении последним служебных полномочий. Он протестовал против решения кабинета министров относительно расходов на содержание российских войск в Польше. Министры высказывались в поддержку поляков. Волынский отстаивал противоположную точку зрения, говоря о том, что поляки являются союзниками турок, что он никогда не был польским вассалом и никогда не согласится им стать. Бирона задело слово вассал.

Да и сама императрица была уязвлена докладом Волынского, в котором он критиковал в целом политику правительства и приводил некоторые сведения о своей семье и исторические справки с намеками на родственную связь своих предков с великим князем Дмитрием Донским.

Волынского судили, гневно обвиняя в изучении трудов Маккиавелли. Его выставили предателем притом, что на самом деле он выступал именно в интересах государства.

Слишком пылкий, слишком горячий в своих патриотических чувствах, Артемий Волынский стал большой помехой для немецкой группировки. Суд над ним является ярким примером беззакония. Его обвинили в оскорблении Ее Величества.

Сама императрица, которая испытывала к нему симпатию, была не в силах что-либо изменить и бороться с немцами, которые доминировали в то время.

23 июня 1740 г. со слезами на глазах она подписала смертный приговор Волынскому.

27 июня 1740 г. он был казнен. Сначала ему отрубили правую руку, потом голову, а затем его труп похоронили на кладбище Самсониевского храма в Санкт-Петербурге. Самые крупные его

владения были конфискованы, в том числе и Вороново. Дети его приговаривались к ссылке в Сибирь. Две дочери были пострижены в монахини [33], а сын его должен был содержаться под стражей до достижения им возраста пятнадцати лет, ему запрещалось общаться с кем бы то ни было. Помимо этого, по достижении им шестнадцати лет ему было предписано начать пожизненную службу в армии простым солдатом [34].

Артемий Волынский

Мы считаем уместным добавить еще несколько штрихов к портрету крупного деятеля, коим являлся Волынский. Восприняв реформаторские идеи Петра Великого, он осознавал, что России необходимо приобщиться к европейской духовной культуре, и мечтал о том, чтобы Россия вошла в нее, сохранив свою самобытность и все хорошее, что она взяла из эпохи московского царства. В этом его взгляды сближались с взглядами лучших государственных деятелей России конца XVII века.

Он не был эгоистом, а, напротив, заботился об общем благе и считал своим призванием проведение полезных реформ. Именно заботой о всеобщем благе объясняется его честолюбие, стремление к власти и влиянию, поскольку в его поступках не было желания получить больше почестей. Он действительно был властным, высокомерным по отношению к равным себе, страстным, увлеченным, вспыльчивым и мстительным; успех кружил ему голову, а враждебность угнетала. Помимо этого, он был талантливым диалектиком и «умел писать». Следует добавить ко всему прочему, что, помимо исполнения государственных обязанностей, он умел и развлекаться. Так, в 1739 г. он организовал свадьбу придворного шута и постройку ледяного дворца по этому случаю.

Что касается расправы над Волынским, то главную роль в ней сыграл не Бирон, а Остерман и также его собственный неуживчи-

вый характер. Он любил повторять афоризм одной юродивой:

«Нам, русским, чтобы наесться, хлеба не нужно, мы пожираем друг друга и тем сыты».

Тень Волынского преследовала императрицу, особенно когда та занемогла. Одной бессонной ночью ей показалось, что она увидела огонь в главном зале дворца. Императрица быстро встала с кровати, прошла через темные покои и, войдя в тронный зал, была ослеплена ярким светом. Взглянув на трон, она увидела себя в праздничном наряде. В оцепенении она чуть не упала в обморок и посчитала, что это верный признак приближающейся смерти.

И действительно, вскоре после описанных событий [35] Императрица Анна умерла, проведя последние свои дни в страхе: повсюду ей чудился призрак Волынского.

Память о Волынском была окружена уважением, его считали мучеником, погибшим за национальную идею. Его образ жив и дорог всем, поскольку Волынский по праву был яростным патриотом и стал жертвой любви к своей стране. Писатель Лажечников вспоминает о нем на страницах своего романа «Ледяной дом».

Рылеев прославляет Волынского в своем знаменитом стихотворении:

«Сыны Отечества! В слезах
Ко храму древнего Самсона!
Там, за оградой при вратах,
Почиет прах врага Бирона.
Отец семейства! Приведи
К могиле мученика – сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью к родине дыша,
Да все для ней он переносит
И, благородная душа,
Пусть личность всякую отбросит.
Пусть будет чести образцом
За страждущих – железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному правосудью.»

Существует несколько портретов Артемия Волынского и его супруги. Я назову лишь те, что видел сам: портрет Артемия Волынского, каталог экспозиции Таврического дворца, № 382; портрет его супруги, каталог экспозиции Таврического дворца, № 377.

Эти две работы принадлежат г-же Эрнст и хранятся в имении Сафроново (Московская губерния).

Другой портрет Артемия Волынского: Каталог экспозиции Таврического дворца, № 119, является собственностью г-жи Елизаветы Алексеевны Нарышкиной. Он находится в ее имении Степановское, Зубцовский район (Тверская губерния).

В книге М. Божерьянова «Невский проспект с 1703 по 1903 гг.» приводится среди прочих и гравюра с портрета Артемия Волынского [36]

Самая красивая и волнующая похвала Артемию Волынскому приводится в завещании великой правительницы, которая умела ценить людей по достоинству, – Екатерины II (1765 г.). Мы считаем уместным процитировать на этих страницах часть этого документа, в которой речь идет о жертве Остермана и Бирона.

«Советую и настоятельно рекомендую сыну моему и всем его потомкам прочесть от начала и до конца дело Волынского. Пусть усвоят они этот пример беззакония и впредь избегают его повторения».

«Императрица Анна приказала своему министру, Артемию Волынскому, подготовить проект реформ министерства внутренних дел, что он и исполнил».

«Императрице требовалось лишь выбрать из него самое полезное и оставить то, что было несвоевременным».

«Однако ее палачам проект по вкусу не пришелся, они разодрали доклад по частям, высосали из пальца якобы предательские мысли и обвинили Волынского в том, что он якобы хотел заполучить полную власть, что совершенно не доказано».

«Волынский был горд и горяч в своих поступках, но не был предателем; наоборот, он был верным и преданным патриотом, жаждавшим полезных реформ для своей родины, и невиновным принял смертную казнь».

«Если бы Волынский жил в мое время, и если бы я заметила его способности управлять делами государства и некоторое пренебрежительное отношение в свой адрес, я бы позаботилась о том, чтобы, не обидев его, наставить его на путь истинный; однако если

бы я увидела, что он на это не способен, я бы сказала ему или дала понять следующее: будь счастлив и доволен, но мне ты не нужен».

«Правитель всегда неправ, если он причиняет боль своим подчиненным».

«Меряй себя своим аршином».

«И если кто-нибудь из вас, мои дорогие потомки, читает эти советы и если вы с ними не согласны, будьте счастливы в своем мире, я не смогу добавить к сказанному никакого иного наставления» [37].

В этих строках раскрывается широта взглядов, высота чувств и справедливость суждений великой правительницы [38].

Провидению нравится порой селить по соседству самых непримиримых врагов. Кто бы мог предположить, что имения Артемия Волынского и графа Остермана находились поблизости. Доказательством тому служит документ намного более позднего периода, чем тот, в который жили оба персонажа. Этот документ имеет отношение к Ростопчину, который стал владельцем Воронова в начале XIX века.

В ответ на книгу графа Стройновского «О графе Ростопчине и событиях года 1812» Ростопчин пишет:

«По соседству с нами (с Вороновым) в гостях у моей свояченицы княгини Голицыной, в имении графа Остермана, я своими глазами видел ...»

И для большей точности автор поясняет: «По старой Калужской дороге, за Красной Пахрой (имение князей Дадьянов) со стороны Чирикова (принадлежавшего Какаринским, а затем князьям Урусовым), находится известная деревня Вороново, что рядом с Покровским, которое принадлежало Остерману» [39].

Княгиня Голицына, урожденная Протасова, была сестрой графини Ростопчиной и свояченицей князя Ростопчина.

Выходит, Вороново принадлежало Волынскому, а Покровское – Остерману, и два непримиримых врага, палач и жертва, были самыми ближайшими соседями!

Смерть императрицы Анны повлекла за собой крушение немецкой группировки, и с восшествием на престол Елизаветы (1742 г.) при дворе вновь успешно утвердилась национальная идея. Новая царица поспешила вызволить из Сибири семью Волынского и решила детям его воздвигнуть памятник на том месте, где был похоронен [40] их отец.

Сын Артемия Петр, который был выслан на дальнюю границу

Сибири и находился под строгим надзором офицера, умер рано и не оставил наследников[41].

Две дочери Артемия были освобождены от монашеских обетов и отправлены в Москву, где им было частично возвращено имущество отца.

Императрица Елизавета благословила старшую Анну на брак с племянником Екатерины I, графом Андреем Симоновичем Гендриковым. Вторая, Мария, родившаяся в 1725, вышла замуж за графа Ивана Илларионовича Воронцова, родившегося в 1719, самого младшего из троих сыновей, карьера которого развивалась во времена царствования Елизаветы. Мария Артемьевна и стала хозяйкой Воронова.

Сама Императрица Екатерина II посетила Вороново в 1775. Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, дочь графа Романа Воронцова, упоминает об этом визите в своих воспоминаниях:

«Во время своего пребывания в Москве Императрица посетила и много окрестных деревень; среди прочего она побывала в Калуге и остановилась в великолепном имении моего отца графа Ивана Воронцова. В тот раз я не могла сопровождать ее из-за опасной болезни моей свекрови». [42] (Речь идет о матери князя Дашкова.)

Подробности визита Екатерины Великой в Вороново можно отыскать в книге дворцовых писарей:

«Возвратясь из Калуги в Москву (декабрь 1775), Императрица Екатерина отужинала в селе Никольское у генерала Поливанова; а дальше по пути остановилась в деревне Вороново, принадлежавшей графу Ивану Илларионовичу Воронцову».

«Ее Величество прибыла в деревню (17 декабря 1775) в полночь и была встречена Его Превосходительством в окружении семьи, а затем проведена в покои».

«Вечером почетные дамы и кавалеры отужинали в зале».

«В деревне Вороново Ее Императорское Величество провела ночь. Дом Его Превосходительства и подходы к нему были освещены».

«В пятницу, 18 декабря, в Вороново перед самым ужином Ее Императорское Величество вышла из покоев со своими кавалерами и играла в шахматы».

«В полдень Ее Величество соблаговолила пройти за стол со своими почетными дамами, кавалерами свиты и гостями и отобедать в

компании двадцати семи человек. Среди сидевших за столом была и графиня Мария Артемьевна Воронцова (дочь Артемия Волынского – владелица поместья)».

«Елизавета Романовна Полянская [43] (дочь графа Романа Воронцова),

Граф Иван Илларионович Воронцов (хозяин дома),

Камер-юнкер Петр Федорович Самарин,

Граф Александр Романович Воронцов (кузен),

Полковник Александр Иванович Полянский (муж Елизаветы Воронцовой)».

«После ужина Ее Величество удалилась в покои и в час дня, засвидетельствовав Свое Августейшее расположение хозяевам дома, отправилась в дорогу под звуки торжественных пушечных залпов» [44].

Дваobeliska, которые еще сохранились в Воронове, были воздвигнуты в честь визита императрицы.

Рокотов написал портрет Марии Артемьевны Воронцовой, он принадлежит графу Воронцову-Дашкову и находится в Санкт-Петербурге [45].

Граф Иван Илларионович Вороноцов скончался в 1786 г., а супруга его – в 1792-м. Оба были похоронены в Вороновской церкви [46]. На надгробиях можно прочесть следующее:

«Здесь покоится тело генерал-лейтенанта графа Ивана Илларионовича Воронцова, кавалера многих орденов, родившегося 31 октября 1720 г. и умершего 15 января 1789 г. Он прожил 69 лет, 2 месяца и 15 дней».

«Здесь покоится тело супруги графа Ивана Илларионовича Воронцова, графини Марии Артемьевны Воронцовой, дочери Артемия Петровича Волынского, родившейся 19 марта 1725 г. и умершей 17 ноября 1792 г. Она прожила 66 лет и 8 месяцев».

У них было два сына: Артемий (1748-1799), женившийся на Прасковье Федоровне Квашиной-Самариной, и Илларион (1760-1791), женившийся на Ирине Ивановне Исмаиловой; и две дочери: Анна (1750-1807), вышедшая замуж за Василия Сергеевича Нарышкина, и Евдокия (1765-1824), оставшаяся холостой.

Вороново перешло к старшему сыну – Артемию Ивановичу, который служил личным советником и сенатором. Из рода Воронцовых Артемий был последним владельцем этого имения, а вскоре после его смерти имение было продано.

Артемий Воронцов имел четырех дочерей:

Екатерина (178.-1836);

Анна, ставшая супругой графа Дмитрия Петровича Бутурлина;
Мария;

Прасковья, супруга М. Тимофеева.

Из письма графа Бутурлина от 21 июня 1793 [47], отправленного из Воронова, мы узнаем интересные детали об имении и его обитателях.

«Позавчера, в воскресенье, мы все приехали сюда, и это совершенно удивительно. Я устроился так, что все лето пять дней в неделю я буду проводить здесь, а два буду находиться в Москве по своим делам и по делам вашего имения. Деревенский воздух и удовольствие находиться рядом с Аннет создают самый благоприятный для меня режим».

«Вы знали Вороново времен Ивана Илларионовича, и я тоже».

«Так вот, сейчас там все изменилось. Дом превратился во дворец, почти как наш московский, даже еще больше. В колоннах и ротондах просматривается львовский стиль. Бог знает, когда это закончится. Я же живу в Голландском домике, построенном Бланком [48] во времена Ивана Илларионовича. Деревня чудесная, леса стоят во всей красе. Кратко, живу я здесь с большим удовольствием, и я терпеливо жду приезда графа Артемия, хочу получить его согласие по моему делу. Мне бы больше хотелось, чтобы все прошло здесь, в тихой атмосфере, а не у меня в деревне».

Письмо от него же из Москвы 29 июля того же года.

«Граф Артемий Иванович должен вернуться в Санкт-Петербург в первых числах сентября. 24 числа он приехал в Вороново. 25 были именины Аннеты, 26 ее матери графини... Я бы предпочел остаться в Вороново, пока все не решится. Виделся с Ириной Ивановной [49]. Она мне показалась очень хорошим человеком» [50].

* * *

Вот мы и подошли к временам, когда Вороново было продано. Из переписки графа Дмитрия Бутурлина мы читаем о подробностях этого дела:

Москва, 21 ноября 1800 г.

«Моя тетя Дашкова приехала сегодня утром. Мы с Аннетой сразу же повидались с ней. Мне она показалась похудевшей и по-

старевшей, однако в разговоре еще сохраняет живость и свободу суждений о тех, кого она совсем не жалует. В ее возрасте люди уже не меняются. По вопросу продажи Вороново она довольно бесцеремонно высказалась о моем свекре и, в особенности, о его покойной супруге, что очень задело Аннету, которая стойко защищала свою мать...»

В той же переписке мы находим еще один пассаж, касающийся продажи Вороново, и датирован он несколькими днями до смерти императора Павла I.

Москва, 4 марта 1801 г.

«Ростопчин находится здесь уже дня четыре или пять; а скоро отправляется в Вороново, где намеревается обосноваться» [51]

Но прежде чем взяться за часть нашей работы, посвященную Ростопчину и его семье, уточним, что две дочери Артемия Воронцова перешли в католическую веру.

По этому поводу предоставим слово графу Бутурлину:

«Графиня Мария Артемьевна Воронцова умерла во Флоренции в возрасте 66 лет. Она была родной сестрой моей матери графини Анны Артемьевны, умершей в 1754 г. Помню, что в детстве тетя моя называла ее блаженной принцессой Таренты и держала у себя ее портрет с кудрявыми волосами, что мне казалось ужасным».

«Позднее тетя моя познакомилась с г-жой Свечиной, и нет ничего удивительного в том, что эта русская ультрамонтанка способствовала ее переходу в католическую веру».

«О католической вере в моей семье я в подробностях высказываюсь в своих воспоминаниях» [52]

Внук нового владельца, граф де Сегюр в «Жизни графа Ростопчина» повествует нам о следующем: «Незадолго до смерти императора Павла граф Ростопчин выкупил Вороново, расположенное в пятидесяти верстах (приблизительно 13 лье) от Москвы. Граф Алексей Воронцов[53] потратил огромные суммы и сделал из него прекрасную резиденцию. Дворец был очень красив и великолепно украшен; парк простирался так далеко, что не хватало глаз; большие пруды пересекали луга и леса, сквозь которые проходили широкие дороги, соединяющие между собой деревни вокруг поместья».

«Но либо по причине возникшего отвращения к поместью, где он не мог найти себе занятия, либо из-за нехватки денег след-

ствии понесенных больших расходов, граф Воронцов не смог или не захотел сохранить его».

«Тогда, по цене, более низкой, чем оно стоило, поместье приобрел Ростопчин, и именно туда он и удалился, надолго оставив дела после смерти его учителя и друга».

«Он очень привязался к своей новой резиденции и с 1800 г. по 1812 г. проводил там большую часть своего времени, а с 1805 г. покидал ее вообще только на зимний сезон». [54].

Однако не будем опережать события. Остановимся здесь на нескольких интересных особенностях личности нового владельца Воронова и его семьи. Этот исторический персонаж, известный в основном по пожару в Москве, является фигурой довольно сложной; чтобы хорошо его узнать, понять и попытаться сложить о нем свое мнение, нужно очень тщательно изучить его характер.

Граф Федор Васильевич Ростопчин родился 12 марта 1765 г. Если верить историкам, случилось это в Ливнах (Орловская губерния), однако сам он в своем рассказе о кампании 1812 года утверждает, что родился в Москве. Он был сыном орловского помещика, капитана Василия Федоровича, супруга которого была урожденной Крюковой [55].

Расцвет рода Ростопчиных начинается с графа Ростопчина. Именно благодаря ему этот старинный аристократический род вошел в историю. Однако началось все очень давно. Согласно трепетно хранимому семейному преданию, род их шел от сына Чингисхана, который, спасаясь от преследований отца после одного из бунтов, нашел убежище в Крыму и там обосновался. Один из его внуков, Борис Давыдов-Ростопчин, при правлении великого князя Василия Ивановича переселился из Крымской орды в Россию и, если верить жалованным грамотам императора Павла I от 12 мая 1800 г., «он сам и потомки его преданно, усердно и безупречно служили царям на военной и гражданской службе, занимали высокие посты».

«Отец графа Ростопчина был человеком умным, малообразованным и с железным характером. Он вышел в отставку в звании подпоручика и жил в своем имении в Ливнах. Его жена, урожденная Кракова [56], родила ему двух сыновей. Старший появился на свет 23 марта 1765 г., и это был Федор Ростопчин. Мать же его умерла в 1766-м» [57].

В двадцать лет он был зачислен в Преображенский полк, а в 1792-м получил звание камер-юнкера в ранге бригадира. Федор Ростопчин в молодости, с 1786 по 1788 гг., много путешествовал за границей, проходил учебу в Лейпцигском Университете. Он был очень воспитанным и духовным человеком и получил прекрасное образование; отлично владел словом, был известен своими остротами и шутками [58]. Во время правления Екатерины II его карьера не привлекает внимание. В 1791 г. он сопровождает в Константинополь князя Безбородько для ведения переговоров о мире [59].

В том же 1791 г. Ростопчин, один из самых умных и образованных людей своего времени, служивший в то время камергером при Гатчинском [60] дворе, берет в жены Екатерину Петровну Протасову, почетную даму Императрицы. Его покорила как яркая красота г-жи Протасовой, так и ее серьезный нрав, столь близкий ему самому. Она была дочерью сенатора и генерал-лейтенанта Петра Степановича Протасова и Александры Ивановны, урожденной тоже Протасовой. Она, как и ее сестры, воспитывалась в доме тетушки, Анны Степановны Протасовой, почетной дамы и близкой подруги императрицы Екатерины II. Следуя духу времени, барышни Протасовы получили блестящее образование; они в совершенстве владели иностранными языками, в том числе греческим и латынью, однако не были обучены русскому языку, а также истории и религии своей родины. Екатерина Петровна в молодости заслуженно называлась красавицей: она была высокой, стройной, у нее были правильные черты, выразительное лицо, которое украшал живой взгляд горящих черных глаз. По характеру она была закрытой и молчаливой, не любила свет и развлечения [61]

Ростопчин в своей переписке с графом Семёном Воронцовым, датированной 1795 г. [62] отзываясь о своей жене в следующих выражениях:

«Я бы очень хотел, чтобы вы нашли возможность познакомиться с моей женой и самому оценить ее качества. Ни одна женщина ее возраста не может соединить в себе столько естественной доброты и ума; ей наскучила придворная жизнь, в которой она воспитывалась и которую знала не понаслышке, и теперь она выходит в свет только для того, чтобы не показаться безучастной. Есть две вещи, которые ее интересуют, – это мое счастье и наш ребенок...

Человек ваших убеждений не сможет не позавидовать моей тетушке, которая смогла воспитать двух таких женщин: мою жену и ее сестру, княгиню Голицыну [63]».

Камергер сумел завоевать доверие великого князя Павла и после его восшествия на престол сделал молниеносную карьеру.

Когда великий князь, наследник престола Павел, получив весть об апоплексическом ударе, унесшем жизнь Императрицы Екатерины II, торопился из Гатчины в Санкт-Петербург, по дороге он встретил графа Ростопчина, возвращавшегося из Санкт-Петербурга в Гатчину; тогда великий князь попросил Ростопчина сопровождать его обратно в столицу. О событиях тех дней, которые разворачивались у него прямо перед глазами, граф Ростопчин оставил интересные воспоминания. Приведем отрывок из его воспоминаний, который показывает трепетное отношение графа к тому, кто в очень скором времени собирался стать его государем:

«Фонари экипажа из восьми лошадей, в котором находился наследник престола (Павел I), показались на дороге из Гатчины в Санкт-Петербург. Когда карета остановилась, я подошел. Наследный принц, узнав мой голос, воскликнул: «Ах, это вы, мой дорогой Ростопчин!» С этими словами он вышел из кареты и начал расспрашивать меня подробнейшим образом о происшедшем. Разговор продолжался до того момента, пока не доложили, что все готово. Садясь в карету, он сказал мне: «Доставьте мне удовольствие, сопроводите меня. Мы приедем вместе. Я люблю, когда вы рядом». Я сел в повозку и последовал за ним».

«...Миновав Чесменский дворец, наследник вышел из кареты. Я обратил его внимание на то, что ночь выдалась очень красивой, очень тихой и светлой; было не больше 3-х градусов мороза. Луна то появлялась среди облаков, то снова пряталась за ними. Стража хранила молчание как будто в ожидании больших перемен... Повсюду царило глубочайшее спокойствие. Пока я говорил о погоде, я увидел, что из глаз наследного принца, обращенных к луне, текут слезы».

«Со своей стороны, я был очень взволнован, понимая важность сегодняшнего дня, и будучи душой и сердцем предан тому, кто собирался взойти на Российский престол, и не менее предан Родине..., я взял его за руку и сказал:

«Ах, Господин мой, какой момент настает для вас!»

Крепко пожимая мне руку, он ответил:

«Подождите, дорогой мой, подождите. Я прожил сорок два года; Бог меня хранил. Надеюсь, он даст мне достаточно сил и разума исполнить миссию, что мне определена. Нам остается положиться на его доброту».

«Сразу же после этого он сел в карету и в восемь с половиной часов вечера приехал в Санкт-Петербург, где еще немногие знали о случившемся» [64].

В день восшествия Павла I на престол Ростопчин был назначен генерал-адъютантом. Пользуясь безграничным доверием государя, он быстро стал государственным советником, кавалером ордена Св. Иоанна Иерусалимского, графом русской Империи (22 февраля 1799), членом, а затем и первым председателем коллегии [65] Иностранных дел, директором Почтового ведомства и членом Близкого совета Императора.

Следующий пример показывает, насколько влиятельным был Ростопчин в то время, несмотря на свою прямоту в суждениях и вольный ум. Этот пример наглядно демонстрирует характер государя и характер его министра и близкого друга.

Однажды Павел I, очень недовольный политикой Англии, приказал графу Ростопчину немедленно подготовить манифест об объявлении войны. Оторопев, Ростопчин попытался в свойственной ему открытой форме отговорить государя от этого проекта. Но его попытки ни к чему не привели, император стоял на своем... С болью в сердце Ростопчин начал готовить документ. На следующий день граф привез его во дворец. По приезду он справился о том, в каком настроении пребывает государь. «Очень угрюм», – ответили ему. В приемных покоях императора рядом с его кабинетом сидели приближенные лица, вельможи, придворные, они с волнением и ужасом ждали, чем закончится эта встреча.

Встреча начинается. Ознакомившись с несколькими бумагами, Император спрашивает, где сам манифест? – «Здесь», – отвечает Ростопчин (он заранее положил его в самый конец папки, чтобы у него было время сориентироваться и, как говорят, разведать почву). Итак, дело доходит до манифеста. Император очень доволен содержанием и оформлением документа. Ростопчин все еще пытается отворотить монарха от поступка, который считает губительным. Однако его красноречие не имеет большего успеха, чем накануне. Император берет перо и уже готов поставить свою подпись,

но в этот момент в глазах Ростопчина загорается луч надежды. Граф уже успел тщательно изучить психологию и привычки императора и знал, что обычно Павел I ставил свою подпись быстро и даже резко. В этот раз он ставил свою подпись медленно, как будто вырисовывая каждую букву. Затем он обратился к Ростопчину: «Тебе ведь очень не нравится эта бумага, правда? – Не могу выразить насколько. – И что ты сделаешь для меня, если я ее уничтожу? – Да все, что будет угодно Вашему Величеству..., например, спою арию в опере». И он процитировал арию, которая больше всего нравилась императору.

«Ну так пой!» – ответил ему Император, и Ростопчин начал исполнять арию, добавляя разные фиоритуры. Император запел вместе с ним, затем он разорвал манифест и отдал кусочки в руки Ростопчину. Можно представить себе удивление тех, кто с нетерпением и грустью ожидали результатов этой встречи в соседней комнате [66].

Вот еще одна черта к портрету Ростопчина в бытность его Министром иностранных дел. О ней в своих воспоминаниях со слов самого Ростопчина рассказывает Петр Вяземский. Один российский посол писал: «Я опустил зонд в океан политики графа Ростопчина»; а тот ответил: «В ответ на ваше сообщение имею честь сообщить вам, любезный господин, что Император поручил мне приказать вам зонд свой убраться и сидеть себе спокойно в своей ракушке» [67].

Своенравный характер Ростопчина и его довольно грубая прямота рано или поздно должны были вызвать немилость. Одни говорят, что поводом для отлучения графа от двора послужило его сопротивление братанию с французами [68], другие склоняются к версии, что причиной стали натянутые отношения с враждебным ему графом Паниным [69]. Впрочем, у Панина действительно были причины желать устранения преданного царю человека, который мог бы помешать в осуществлении его замыслов. Отлучение произошло в 1801 незадолго до внезапной смерти Павла I. Ростопчин удалился в Вороново, которое приобрел к тому времени и откуда 3 июля 1802 г. писал графу Симону Воронцову: «Не по собственной воле, а по неотложным делам уезжаю я взглянуть на Москву из дома своего, где я так счастлив» [70].

Человек, который долгое время был приближенным Павла I,

не мог стать персоной грата при дворе Александра. С 1801-го по 1810 гг. он был отстранен от государственных дел и находился в отставке.

В этот период своей жизни он большую часть времени проводил в Воронове.

Со слов графа де Сегюра, в то время в Воронове было много прислуги, и все они были заняты в усадьбе; но из-за этого дела шли только хуже, каждый действовал исключительно в своих интересах. Однако такое обилие праздной прислуги является одной из тысячи необходимых условий, которые сковывают цепями тех, кто считаются свободными, потому что они хозяева. Количество прислуги [71] в Воронове доходило до сотни. Над ними, не считая управляющих, которые в этом царстве в миниатюре играли роль министров, жило много других людей, гостей всякого сорта, в большей или меньшей степени полезных или любимых хозяевами. В своих письмах граф Ростопчин красочно описывает этот мир.

Самыми колоритными фигурами были тренер по верховой езде Рашвиц, выписанный из Берлина для управления табунами, и прусский ветеринар Райнер, присматривавший за здоровьем лошадей и многочисленных стад домашнего скота. Райнер был любезным молодым человеком, столь же приятным в светском общении, сколь незаменимым на конюшне. С ним было приятно поболтать, он играл на скрипке, и ко всем его качествам добавлялась его страсть, совместимая с его немецкой флегматичностью, а именно – любовь к препарированию трупов.

Доктор Крафт, долгое время служивший семейным доктором, был для хозяев настоящим другом. Он со своей женой и детьми жил в замке и оставил графа Ростопчина только со своей смертью в 1804 г. Это был исключительный человек, немец по происхождению, великолепный врач, которого Ростопчин намеренно поселил в Воронове, чтобы тот мог работать только в его семье.

После смерти Крафта граф хотел было продать свое роскошное поместье в Воронове, но впоследствии отказался от этой крайности, хотя все-таки купил дом в Москве и с 1804-го по 1812 гг. жил то за городом, то в столице [72].

В это время графиня Ростопчина перешла в католическую религию и многие месяцы скрывала этот факт [73]. Она щадила своего впечатлительного и вспыльчивого мужа, который с трудом сдер-

Граф Ростопчин

живал порывы своей взрывной натуры.

В начале войны, которую русские историки называют Отечественной, о Ростопчине вспомнили, он вновь поднялся на историческую сцену, чтобы сыграть главную роль. Для многих его слава началась именно с 1812 г. Тогда главный камергер граф Ростопчин был назначен генералом пехоты и генерал-губернатором Москвы, сменив на этом посту графа Гудовича. Он приступил к своим обязанностям в последние дни марта 1812 г. [74].

На новой посту Ростопчин развернул активную деятельность по организации милиции, обращался к населению для поднятия духа горожан. Он сделал все возможное, чтобы увеличить количество пожаров, уничтоживших половину столицы, не желая, чтобы Москва попала нетронутой в руки французам, и они нашли бы в ней широкие возможности для проживания и пропитания.

«В Москве врага встретил голод, так, разрушив столицу, – писал он Александру I, – я спас Империю и убежден, что в полной мере заслужил ваше уважение, поскольку Бонапарт удостоил меня своей ненавистью» [75].

Позже, в брошюре, изданной в Париже в 1823 г. и озаглавленной «Правда о пожаре в Москве», Ростопчин будет оправдываться в поступке, принесшем ему славу в 1812 г.; однако впоследствии, по мнению его современников и большинства историков, именно он будет признан главным подстрекателем пожара в Москве, который причинил Наполеону большие потери, чем великое сражение, и сыграл решающую роль в гибели французской армии во время бегства из России.

История оккупации Москвы французами и катастрофы, которая превратила в пепел примерно половину города, известна хорошо, и на этих страницах мы не будем на ней останавливаться. Отметим, тем не менее, что Император Александр так и не простил Ро-

Голландский домик в усадьбе Вороново. Современный вид

стопчину убийство Верещагина. Об этом он писал следующее: «Я слишком справедлив, чтобы обращаться к вам на каком-либо другом языке, чем язык предельной откровенности: эта жертва была ненужной, и, в любом случае, не должна была приноситься в подобных условиях».

Художник Василий Верещагин в брошюре [76] так воспроизводит трагическую кончину своего тезки:

«Толпа, которую он (Ростопчин) вооружил и всполошил своими легендарными «афишами», решившись пойти на Наполеона, противилась его отъезду и стояла у дворца правительства. Чтобы спасти себя, он придумал бросить им в зубы, как обычно поступают с голодными волками, добычу. У него под рукой оказался сын купца Верещагина (sic), которого обвинили в переводе статьи о Наполеоне и выдали народу как несчастного, из-за которого погибнет и Москва, и Россия. Ни одна рука не поднялась в защиту нареченного предателя, – бледного и трясущегося молодого человека, – какой-то драгун полоснул его саблей. При виде крови, толпа набросилась на тело, привязала Верещагина к хвосту лошади и отпустила ее скакать по улицам, а губернатор тем временем выбежал из задних ворот дворца и уехал прочь из города».

Дальше мы увидим, что намеревался предпринять граф Ростопчин.

Дворец усадьбы Вороново

Ростопчина очень раздражало то, как вел себя по отношению к нему маршал Кутузов. «Враждебность графа Ростопчина к Кутузову была настолько велика, что в ней он забывал и о справедливости, и об истине» [77].

Когда французы вошли в город, дворец губернатора занял генерал Делаборд [78].

После того как русская армия под прикрытием арьергарда Милорадовича оставила Москву, Кутузову удалось скрыться от французов.

«Как только его армия беспорядочно переправилась через Москву-реку, он сразу исчез, а Наполеон метал гром и молнии в адрес своей кавалерии, которая не могла найти старого генерала» [79].

«След врага потерян (выражение Императора); мы прочесываем все направления; тридцать офицеров стоят в очереди с донесениями королю Неаполя...» [80].

Русские провернули следующий маневр.

«Покинув Москву, Кутузов поехал по Коломенской дороге. 15 сентября русская армия остановилась в Панки в четырех-пяти лье (1 лье=4,444 км. – А.А.) от Москвы; 16 сентября в районе села Боровское она переправилась через Москву-реку. Кутузов решил занять наступательную позицию на фланге операционной линии французских войск, что одновременно позволило бы ему при-

крыть Калугу и южные провинции России. Русская армия разбила лагерь под Тарутином, за Нарой, поскольку эта позиция позволяла ей перерезать основное направление на Москву со стороны Калуги» [81].

Штаб Кутузова разместился в Леташевке (Калужская губерния). Авангард русской армии под командованием генерала Милорадовича находился на старой Калужской дороге между Красной Пахрой и Чириковым (Московская губерния).

По словам де Брандта, след русской армии обнаружил князь Понятовский. Русские переместились в направлении юго-востока и перекрыли пути снабжения французской армии.

«Дивизия Клапареда, которую держали в резерве в первой половине военной кампании, вышла на операционную линию вместе с дивизией Дифура и корпусом Понятовского. Корпус Понятовского, высланный по приказу Наполеона на поиски русской армии в направлении Тулы, смог обнаружить русских быстрее, чем войска Себастьяни и Мюрата» [82].

Как бы то ни было, когда Мюрату сообщили о расположении русской армии, он сразу же туда направился.

«Неаполитанский король сначала полагал, что враг отступает за Оку; однако как только раскрылся истинный маневр русской армии, он сразу же последовал в указанном направлении» [83].

Выдвижение французских войск вперед в верном направлении неизбежно вело к столкновениям с авангардом русских войск. Так, 29 сентября князю Понятовскому удалось завершить с преимуществом столкновение в районе Чирикова, а у Мюрата в тот же день возникла очень опасная ситуация с казаками. Спасло его лишь удачное появление польского капитана Малчевского.

Ростопчин, который воевал в авангарде русской армии, предполагал, что в результате всех этих мелких столкновений Вороново может оказаться в руках французов и поэтому привел в действие свой план.

Военный комиссар, англичанин Вильсон, рассказывает, что «когда они стояли биваками около Москвы, генерал-губернатор (Ростопчин) всю ночь жаловался на то, что Кутузов оставил Москву, не предупредив его, нарушив их договор; таким образом, городские власти и жители потеряли возможность проявить свою отвагу: русскую отвагу, а именно поджечь город методично, всем

миром, прежде чем ее осквернит присутствие чудовища, и заявил, что он никогда не простит маршалу его обман.

«Той же ночью он собственноручно сжег свою прекрасную резиденцию в Воронове»[84]

«Все в его окружении, – рассказывает его внук, граф А. де Сегюр, – полагали, что он хочет в последний раз посмотреть на свое роскошное жилище, в котором так долго был счастлив. Однако его намерения были совсем противоположными. Москву он спалил в своем сердце, и никто не мог помешать ему своими руками спалить свое дорогое поместье: «То, что я сделал в Москве, – сказал он в присутствии генералов, которые его сопровождали и тщетно пытались отговорить его от плана, – я собираюсь сделать и здесь, устроив своими руками поджог поместья, которое я так хочу видеть в двадцать раз более красивым и богатым».

Слова графа, а также сцена, которая за ними последовала, описаны сиром Робертом Вильсоном [85], который был приглашен в русскую армию в качестве английского комиссара и оставил свои воспоминания о кампании 1812 г.

«Когда войска начали приближаться друг к другу, граф Ростопчин в сопровождении гостей вошел в свой замок. В вестибюле гостям раздали горящие факелы. Гости вошли в спальню, что располагалась на втором этаже; граф остановился на мгновение; все воспоминания о счастливом прошлом пронеслись у него перед глазами, наполнили его сердце волнением; рука его, вознесенная над самыми любимыми вещами, дрогнула. Внезапно, переведя взгляд на сира Роберта Вильсона, он произнес: «Это мое свадебное ложе, я не могу его поджечь; избавьте меня от этой участи». Английский комиссар, борясь с волнением, колебался и осмелился исполнить жуткую просьбу графа Ростопчина, лишь после того, как запылала остальная часть комнаты».

«Когда весь замок был объят языками пламени, Ростопчин отправился поджигать конюшни и вдруг замер, увидев, что огонь уже пожирает эти великолепные постройки. Когда же с главных ворот упала прекрасная композиция, исполненная по модели с дворца Монте-Кавалло в Риме, он вздохнул: «Вот теперь я доволен!», и в голосе его звучало горькое удовлетворение».

«Жертва была принесена. Прежде чем уехать от догорающих руин своего замка, Ростопчин собственной рукой прикрепил табличку к

двери нетронутой церкви. На табличке он написал следующие слова: «Я восемь лет обустроивал эту деревню и жил в ней счастливо со своей семьей. Местные жители числом тысяча семьсот двадцать душ при вашем приближении покидают эти земли, а я поджигаю свой дом, чтобы он не был осквернен вашим присутствием. Французы, я оставил вам два дома в Москве со всей обстановкой на полмиллиона рублей, но здесь вы не увидите ничего, кроме пепла» [86].

В «Истории Наполеона и Великой армии в 1812» генерала Ф. де Сегюра мы находим те же самые слова [87].

Но вот генерал Брандт в своих воспоминаниях приводит выражения, несколько отличающиеся от приведенных выше:

«Там (в Воронове) находилось имение знаменитого Ростопчина, которое он собственноручно сжег. Хозяйский дом и все пристройки были полностью уничтожены огнем; уцелела лишь круглая башня с огромной лошадьёю на крыше, что стояла в углу длинной крепостной стены. У входа в то, что ранее было замком, висела табличка с посланием, написанным крупными буквами на французском языке; тысячи человек прочли его в тот день, и я в их числе. Послание было следующего содержания:

«Я поджег замок, который стоил мне миллион рублей, дабы ни одна французская собака не переступила его порог».

«Больше ничего не было, а все остальные опубликованные позже варианты совершенно не верны. Я утверждаю это с такой уверенностью еще и потому, что много лет спустя я снова прочел эту надпись, увидев эту табличку дома у бывшего офицера моего полка – Мадалински, который взял ее с собой на память и трепетно хранил. Деревня Вороново также была полностью сожжена» [88].

Переводчик добавляет следующую сноску:

«Английский комиссар, сэр Роберт Вильсон, подробно рассказал о поджоге замка Ростопчина, который якобы произошел у него на глазах. Однако на самом деле, когда ужасный губернатор Москвы составлял свое послание, комиссар должен был уже покинуть имение. Таким образом, текст комиссара является еще одним вариантом, о которых говорит наш автор. К тому же, послание, которое в качестве единственно подлинного приводит генерал Брандт, более соответствует характеру Ростопчина» [89].

Заметим, что де Брандт говорит здесь о послании, прикреплен-

ном к воротам замка, а не о том, что было повешено на дверь вороновской церкви. Может, было две таблички?

Как бы то ни было, другой вариант мы находим в немецком источнике, перевод которого на французский язык появился в 1814 г.

Этот замок до сегодняшнего дня был жилищем почетного гражданина, он не станет убежищем для солдат, обманутых человеком, превратившимся в разбойника с большой дороги [90].

Все это происходило 2 октября, и, возможно, сразу после поджога своего имения Ростопчин присоединился к армии враждебного Кутузову генерала Барклая де Толли, к которому испытывал большую симпатию.

В письме от 28 апреля 1814 г. сам Ростопчин так рассказывает своему другу и доверенному лицу графу Воронцову о пожаре в Воронове:

«Бонапарт, перекладывая эту гнусность со своей больной головы на мою здоровую, удостоил меня титулом поджигателя, и многие русские в это верят; Вороново и все тамошние постройки сожжены, и во всей этой истории я потерял около миллиона; мой загородный дом стоил мне сто пятьдесят тысяч рублей и был сожжен по величайшему приказу Бонапарта; моя библиотека, картины, гравюры, физические орудия – все сожжено и разграблено. Это я говорю вам как другу, я сам об этом не рассказываю и не думаю. Моя жена, настоящий ангел, и мои дети чувствуют себя хорошо. Состояние мое восстановится; а я, полагаясь на Провидение, о будущем не думаю, будучи убежден в том, что если по стечению обстоятельств мои дети обнищают, им достаточно будет добраться до Лондона, до Сен-Джеймс парка, встать там с протянутой рукой и произнести: «Мы умираем с голоду, а наш отец был генерал-губернатором Москвы в 1812» – и тогда им предоставят и еду, и питье, и они будут избавлены от нищеты» [91].

Кроме того, в своем сочинении «Правда о пожаре в Москве», опубликованном в 1823, Ростопчин старается опровергнуть один за другим бюллетени Наполеона I, или, скорее, дает свои комментарии по каждому из них. В этом труде также затронут вопрос о пожаре в Воронове.

Так, напротив 23-го бюллетеня от 9 октября – «Создается впечатление, что Ростопчин душевнобольной. Он поджег свой собственный замок в Воронове» – со свойственным ему пылом и горячностью Ростопчин пишет следующее:

«Не знаю, почему Наполеон считает меня душевнобольным. Я поджег свой собственный замок по причине, указанной в табличке, которую прикрепил к двери церкви, и тем самым я лишь предвосхитил приказ офицеру, посланному в Вороново, который обнаружил там один пепел. Он рассказал это русскому полковнику, который подобрал табличку во время отступления после переправы через Березину. А вот Наполеон жечь любил, доказательством чему служит приказ, отданный маршалу Мортье, о поджоге двух моих домов в Москве (Русская экспедиция, т. II, стр. 344). Тот, что на подъезде к городу, был спален, а тот, что в городе, не сгорел, потому что на следующий день после отъезда Великой армии, на улицах Москвы было много казаков и вооруженных крестьян» [92].

Вороново перенесло не только пожар, деревня стала настоящим театром боевых действий.

«20 сентября [93] армия занимает Тарутино. Арьергард Милорадовича и отряд графа Остермана-Толстого объединяются перед Вороновым. Кажется, враг (французы) собирается обойти их с правого фланга, поэтому генерал Милорадович изменяет расстановку своих сил, переправляет свои войска через мост в Воронове. Его пехота и кавалерия несколько часов сражаются на равнине перед Вороновом. Вечером генерал Милорадович размещает первую линию своей пехоты в одной версте за Вороновым, а вторую – в одной версте от первой. 21 числа [94] в два часа по полудню враг предпринимает наступление на русский арьергард по большой дороге и по второй дороге, что шла вокруг Воронова. Милорадович вынужден отступить. Ему пришлось встретиться лицом к лицу с королем Неаполя» [95].

«В битве у Воронова в один из эпизодов Милорадовича попала пуля. Не потеряв свойственного ему самообладания и указывая на свое плечо, он спокойным тоном произнес: «Ну, наконец-то, моя первая пуля» [96].

Де Брандт, который участвовал в столкновении в рядах французских войск, так описывает происходившее:

«2 октября у нас произошла новая теплая встреча с арьергардом противника, во главе которого по-прежнему стоял русский Мюрат, неутомимый Милорадович. Мы собирались перекинуть мост через Мошу (Мочу), когда вдруг появился Себастьяни. «Вперед, наездники, – сказал он, – с каких это пор вам нужен мост,

чтобы перебраться через такой ручеек?» Услышав его слова, все бросились в «ручеек», в котором вода едва доходила до шеи; кто-то даже утонул. При содействии летучей польской артиллерии в белых шинелях мы выбили врага из деревни Ислова Мишалова, где он крепко обосновался, и из другой позиции, чуть подальше. В результате русские отошли за деревню Вороново» [97].

Всего произошло два столкновения вблизи Воронова: первое – на берегу реки Мочи, а второе – у моста в Воронове между деревней и замком Ростопчина. На следующий день, 3 октября, русские отступили перед обходным маневром французов. Ростопчин поджег свое имение, вероятно, во время боев 2 октября или между этими боями и отступлением 3 октября.

После того как русские отступили за Пахру, по крайней мере в интересующей нас части, ситуация стала следующей:

«... С тех пор как мы заняли позицию на Пахре, по реке прошла, так сказать, негласная линия нейтралитета; между полководцами велись переговоры, и они были довольно серьезными...» [98].

У французов сильна была уверенность в мирном исходе, и русские заботливо ее поддерживали.

Французы занимали следующие позиции:

«Он (Мюрат) с 1-м и 2-м резервными кавалерийскими корпусами генералов де Нансути и Себастьяни находился на Калужской дороге у Винково... за ним располагался 5-й пехотный корпус принца Понятовского и 4-й кавалерийский резервный корпус генерала де Латур-Мобурга. Помимо этого, за Вороновом стоял 3-й кавалерийский корпус генерала Груши и отряд 1-го пехотного корпуса Фредерика» [99].

Не все позиции, занятые первой линией, были выбраны удачно. Левый фланг сил Себастьяни выходил на лес, что могло привести к сюрпризам.

Мюрат хотел провести маневр в обратном направлении и закрепиться на более защищенных позициях. «Но Наполеон не мог с ним согласиться, даже несмотря на то, что сам ранее указывал на Вороново как на более подходящую позицию; в этой войне, которая в его глазах была все еще больше политической, чем военной, он боялся отступить. Он предпочитал рисковать всем» [100].

Генерал Гурго опровергает это утверждение генерала де Сегюра и в подтверждение своей правоты приводит письмо генерал-

майора Бертье к Мюрату, отправленное из Москвы 13 октября в два часа ночи. Вот некоторые его строки:

«Ознакомившись с вашими докладами и данными разведки, император посчитал, что позиция у Воронова удачная и сконцентрированная, ее можно оборонять пехотой, которая легко прикроет кавалерию. Если вы рассуждаете так же, то вам разрешено занять эту позицию».

«Сегодня вечером Император уже отправил своих лошадей, а послезавтра к вам прибудет армия, мы перейдем в наступление и прогоним врага. Чтобы до вас доехать, армии потребуется три дня; следовательно, вам нужно продержаться еще четыре-пять дней; если вы боитесь, что враг атакует вас,... займите позицию в Воронове...»

Так, не получив официального приказа закрепиться в Воронове, а также узнав о том, что через четыре-пять дней к его армии подойдет подкрепление, Мюрат принял решение остаться на своих, невыгодных, позициях! Но, приняв подобное решение, он должен был организовать серьезную охрану своим силам.

Однако 2-й резервный кавалерийский корпус генерала Себастьяни был буквально оставлен на милость врага, который не упустил удобного случая [101].

В ночь с 17 на 18 октября к полуночи сражение в Винкове. На этих страницах мы не будем подробно восстанавливать этапы этого кровопролитного боя, но потери после него были почти равными с обеих сторон. Французы потеряли двух генералов; русские тоже двух, а генерал Беннигсен, руководивший русскими войсками, получил ранение.

После сражения Мюрат отвел войска к Воронову [102].

Другим следствием Винковского боя стала запоздалая и поспешная эвакуация французской армии из Москвы.

«...Французские и русские историки признали, что внезапно атаковав корпус Мюрата в Винково 18 октября и послав своих удивленных солдат на кровопролитный и смертельный бой, старый маршал провел очень тонкий маневр, который стал губительным для нашей армии и заставил Наполеона принять решение о поспешной эвакуации из Москвы. Император сразу же осознал серьезность своего положения, и вечером 18 октября (18 числа был отдан лишь приказ об отъезде 19-го в 8 часов утра) вся его армия

направлялась в Вороново: сам он выехал 19-го утром; однако было уже слишком поздно. Добравшись до Тарутина, он увидел, что на Калужской дороге сконцентрированы слишком значительные силы противника, и он не сможет проехать через них. Он захотел повернуть свои войска и пустить их по старой (а на самом деле новой) Калужской дороге, предприняв непредвиденный маневр, но Кутузов его опередил, и 23-24 октября под Мало-Ярославцем произошло кровавое сражение» [103].

Приведем некоторые подробности этих исторически значимых дней 19-25 октября, когда Кутузов расположил свои войска в том числе и у Воронова, преградив французам обе калужские дороги, в результате чего Наполеон был вынужден бежать по старой смоленской дороге, по стране, лежавшей в руинах, пропустившей через себя две армии.

«19 числа армия в боевом порядке выходит из города и движется по Калужской дороге с приказом присоединиться к силам Неаполитанского короля. Однако ее продвижение затрудняется не-сметным багажом, который солдаты тащат за собой. Более сорока тысяч разных повозок захламляют дорогу. Те, кто выезжают из Москвы, опасаясь голода, везут с собой огромное количество провизии, которую они вскоре должны будут бросить. В эту процессию частично входят и московские беженцы (так называли семьи, которые обращались к нам за защитой). Поход дается им очень тяжело, они впервые переносят на все тяготы войны и страдают от них больше, чем от сурового климата» [104].

В подобных условиях несложно было предположить, что французская армия не сможет воевать в полную силу и дать большой бой.

Перед эвакуацией из Москвы французский арьергард получил приказ не только взорвать Кремль, но и сжечь два дома: первый – графа Ростопчина, а второй – графа Разумовского.

Наполеон покинул Москву 7/19 октября в четыре часа пополудни. Он организовал свой штаб в Троицком, а авангард вице-короля отправился в Ватутинки.

8/20 октября Наполеон оставался в Троицком, а корпус вице-короля (4-й) добрался до Красной Пахры. Оттуда по проселочной дороге он направился к новой Калужской дороге, поскольку превосходившая его по силе русская армия преграждала старую.

9/21 числа Наполеон перенес свой штаб в Плёсково. Вице-король приехал в Нару. По той же проселочной дороге в Нару двигалась и старая гвардия, и корпус Даву (1-й). На старой дороге остались: кавалерия Мюрата, корпус Нея (3-й), дивизия Клапареда (польские полки Вислы), дивизия Морана 1-го корпуса и бригада Кольбера.

В тот же день 9/21 октября генерал Дорохов, неизвестно по какой причине, решил, что основные силы Наполеона находятся в Воронове [105].

10/22 числа штаб Наполеона, гвардия и корпус Даву приехали Нару. Кавалерия Мюрата направилась туда же. То есть на старой Калужской дороге остались только 3-й корпус (Нея), дивизия Клапареда и легкая кавалерия корпуса Даву.

В это мгновение погода изменилась, пошел дождь, дороги размыло. Вкупе с необходимостью постоянно переправляться по узким мостикам это обстоятельство очень осложняло продвижение армии и особенно непомерного конвоя, следовавшего за ней.

До этого времени Кутузов был несколько озадачен и не решался перевести свои основные силы на новую Калужскую дорогу, поскольку опасался, что французы уйдут по старой. Но 22 октября он получил важное донесение:

«Как только Кутузов узнал, что Наполеон ушел из Москвы, он отдал приказ генералу Милорадовичу провести основательную разведку старой Калужской дороги и определить, в каком направлении идут французские войска перед ним. Если бы авангард Мюрата доехал до Нары, казаки и отряды кавалерии и пехоты заметили бы их. Русские находились еще в Тарутинском лагере, когда был получен доклад генерала Милорадовича и генерал-майора казаков Карпова, в котором говорилось, что на рассвете 11/22 октября французские аванпосты покинули Вороново. Этой новости Кутузову было достаточно, чтобы убедиться в том, что основные силы французской армии переброшены на новую дорогу» [106].

Меры Кутузова по преграждению новой Калужской дороги и села Мало-Ярославец привели к кровавой битве:

«Именно в этой местности принц вице-король дал всей русской армии сражение, которое увековечило его имя; именно там итальянцы покрыли себя славой и заслужили похвалу императора, похвалу, которая не раз ранила национальную гордость француз-

ских воинов. Слава этого дня целиком и полностью принадлежит принцу Эжену и итальянской армии, потому что посланные им на помощь две французские дивизии прибыли на место сражения только к моменту отступления русских войск».

«Вечером того же дня по возвращении в бивак мы услышали крики о помощи, которые были вызваны нападением казаков, чуть не похитивших императора. В суматохе какой-то конный гвардейский гренадер принял капитана Лекуте, адъютанта принца Невшательского, за русского офицера и зарубил его саблей. С этого дня, несмотря на все свое бахвальство, французы стали испытывать невероятный страх перед казаками. Не то чтобы я неуважительно отзывался об отваге наших воинов, но они воспринимали казаков, как злых духов или нечистую силу».

«На следующий день (25 октября) мы присматривались к противнику и старались угадать его шаги. Нетрудно было предположить, что с нашей стороны было много сомнений по поводу того, что предпринять. Стоит ли нам продвигаться дальше к Калуге или вернуться через Можайск? Вот в чем состоял вопрос. Я несколько раз слышал, как Неаполитанский король кричал: «Они уходят, они уходят – давайте их догоним!» Однако большинство других генералов его азарта не разделяли, они хотели как можно скорее вернуться в Смоленск, не рискуя новым сражением. Мнение большинства перевесило, и мы вернулись в Боровск» [107].

По Можайской дороге французская армия вышла на Смоленскую, и на этом оккупация Московской губернии завершилась.

* * *

В 1813 г., со слов Огюста д'Ивернуа, граф Ростопчин, губернатор Москвы, предоставил некоторые сведения о событиях 1812 г. его отцу Франсису д'Ивернуа.

Разъяснения

«В нижеизложенных разъяснениях даются ответы на вопросы, заданные моим отцом в феврале-марте 1813 г. графу Ростопчину и касающиеся пожара в Москве. Несмотря на то, что на этом ценном документе нет ни даты, ни подписи, заголовок, надписанный рукой моего отца, в достаточной степени подтверждает его подлинность:

«В течение последних четырех-пяти месяцев 1812 г. мой отец находился в Санкт-Петербурге с полуофициальным заданием ан-

глийского правительства и имел все основания предполагать, что русские вполне могли сами устроить пожар в Москве. В начале 1813 г., направляясь в штаб Императора Александра в Силезии, он проехал по всей России. При нем были рекомендательные письма для графа Ростопчина, который вернулся к обязанностям губернатора Москвы. В этом полуразрушенном городе сам он провел много дней. Чтобы проверить свои подозрения он позволил себе задать следующие вопросы лично графу Ростопчину, который в свою очередь поручил своему секретарю составить ответы на них и после личного ознакомления с ними (несомненно, не без причины) передать их моему отцу».

«Этот документ полностью подтвердил подозрения моего отца, который не мог воздержаться и не высказать Ростопчину свои сомнения в том, что французы самовольно подожгли Москву, как об этом доносилось в официальных докладах русского правительства. На что Ростопчин ответил ему: «Верьте, во что хотите!» и удалился. Отец много раз пересказывал мне эту историю, так что я все хорошо запомнил».

«Подписано: Ог. Ивернуа.»

Женева, 18 февраля 1852 г.

«Вопрос: Достаточно ли провизии для своих лошадей вывез Наполеон из Москвы?»

Ответ: Отъезд был настолько поспешным и беспорядочным, что он мог взять с собой припасов на день, не больше. Впрочем, из-за нехватки лошадей и повозок больше с собой и нельзя было увезти. Повозок было так мало, что, по распоряжению Бертье от 18 октября по старому стилю, каждый экипаж на четырех колесах, не перевозивший больных или раненых, должен был конфисковываться. Исключение было сделано лишь для экипажа Наполеона, генерал-майора, господина ... (написано неразборчиво), государственного секретаря, генерал-интенданта армии. Все маршалы и командующие также имели право на экипаж. Из этого следует, что французам не хватало даже повозок для больных и раненых».

«Вопрос: Оставил ли он при отъезде провизию, которую мог забрать позже?»

Ответ: Вышесказанное отвечает и на этот вопрос. Приехав туда 23 октября по старому стилю, я обнаружил в подвалах императорского дворца в Кремле, который занимал Бонапарт, множество

всевозможной провизии, которую при малейшей возможности обязательно бы взяли с собой. Только по этому можно судить о том, увезли ли остальные солдаты что-либо с собой. Впрочем, вывоз награбленного занимал французов намного больше, чем вывоз продовольствия».

«Вопрос: Если бы Москва не сгорела, как он смог бы одеть свою армию?

Ответ: Для этого в Москве было много возможностей. В этом городе находились разные склады. Единственное, что Бонапарт не нашел бы в Москве – это военное снаряжение, поскольку согласно последним распоряжениям графа Ростопчина, порох, свинец, патроны и прочее были изъяты. В арсенале оставалось лишь 10 000-15 000 винтовок и сабель, которые граф раздал жителям. Городских запасов оставалось на шесть месяцев».

«Вопрос: Были ли возможности подготовиться к отступлению?

Ответ: Вся французская армия, которая находилась в Москве, имела возможность найти одежду. У Бонапарта оказалось лишь 6 000 шинелей, которые солдаты в спешке шили себе сами.

«Городские магазины сконцентрированы в Китай-городе, и именно там 2-3 сентября (?) по старому стилю начался пожар» [108].

* * *

Ростопчин был на конгрессе 1814 г.*

30 августа того же года с него сняли полномочия командующего и назначили членом Императорского совета. Вскоре после этого он уехал за границу. Сначала отправился в Германию, а в 1817 г. присутствовал еще на одном конгрессе – в Эксе-ла-Шапель.

В Германии Ростопчины вызвали всеобщее восхищение, дамы и девицы в Кенигсберге носили шапочки «а ля Ростопчин», в продаже были гравюры с его портретом, а во всех газетах ему возносили похвалу: удивительное отношение, особенно учитывая то, что сам объект восхваления никогда не скрывал своего отвращения к немцам [109].

Из Германии по состоянию здоровья Ростопчин отправился во Францию и остался в Париже. Он не сдерживал себя в проявлении

* Венский конгресс 1814–1815 гг. – (А.А.).

ненависти к Бонапарту, и изливал ее, используя в своей речи выражения, часто не достойные серьезного и умного человека. Он поносил французов в привычной ему злобной манере, одновременно удивляя их своим остроумием и широкими познаниями.[110]

В своем письме от 11 июня 1821 г. к графу Воронцову, отправленному из Парижа, Ростопчин делится своими плохими воспоминаниями о России. Он кажется озлобленным: «Моя известность, – пишет он, – основана на поступке, который я отрицаю. Этот поступок совершен всем народом, и народ прославляет себя за то, что во имя спасения Империи принес в жертву Москву. Однако в глубине души он винит меня в потерях, которые во время войны неминуемо понес каждый из нас. Государь же, вместо толики уважения к своему слишком преданному слуге, проявляет ко мне более чем просто равнодушие; и если бы его презрение коснулось не меня, а кого-то другого, тот уже давно бы умер от печали. Эти воспоминания прочно обосновались в моей слишком хорошей памяти, я испытываю все меньше привязанности к родной стране. Нити, что связывали меня с ней, постепенно исчезают, и одна из последних оборвалась со смертью графа Головина. Часто, к моему большому сожалению, я не нахожу в своей душе другого интереса к России, чем тот, что испытывают к колонии или своему состоянию. Если бы судьба Андрея [111] не была связана с Россией, я бы умер за границей, не возвращаясь на родину» [112].

Самым значительным событием во время пребывания Ростопчиных в Париже стало замужество двух его старших дочерей. Первая [113], сохранившая, как и ее отец, православную веру, вышла замуж за прекрасного молодого русского офицера – полковника Дмитрия Нарышкина, племянника графа Воронцова, близкого друга графа Ростопчина вот уже более двадцати пяти лет. Вторая [114], принявшая католичество, как и ее мать, вышла замуж за графа Эжена де Сегюра при покровительстве и посредничестве госпожи Свечиной, близкого друга обеих семей. Две эти свадьбы отмечались с разницей в несколько дней в июле 1819 г.: первая в церкви при Российском посольстве в Париже, а вторая в Успенской церкви.

Второе событие задержало графа в Париже дольше, чем он наметил себе для пребывания за границей.

У его зятя и дочери не было семейного владения; поженившись,

они мечтали о приобретении собственности, которая бы позволила им чувствовать себя за городом, как у себя дома. В то время на продажу был выставлен замок Нуэтт в Нормандии, собственность генерала Лефебра. Молодоженов устраивало и расположение, и земля, и соседство. Они решили оформить покупку, как только будут иметь на руках необходимые средства: за землю просили сто тысяч франков наличными. Граф Ростопчин был осведомлен о намерениях детей и обещал предоставить им необходимую сумму при первой возможности, как частичное возмещение приданого своей дочери. Два-три месяца от него не было ни слуху, ни духу. Но на новый год, 1 января 1821 г., он вошел в комнату своей дочери, нежно поцеловал ее и, выслушав ее поздравления и пожелания, протянул портфель со словами: «Держи, это мой тебе новогодний подарок». В портфеле лежали сто тысяч франков, сумма, необходимая для покупки имения. Это не было приданое дочери, а просто подарок на новый год [115].

В августе того же года граф Ростопчин отправляется в Нуэтт, а 27-го числа из Парижа отправляет письмо своему другу графу Воронцову, в котором делится своими планами: «Через три дня на четыре дня я поеду к своей дочери Сегюр, она сейчас живет в своем недавно приобретенном поместье в Нормандии, в 36 лье отсюда. Софья очарована имением, и, поскольку любит деревенскую жизнь, она там счастлива и с радостью прогуливается со своим сыном и мужем в березовом лесу, который напоминает ей о России» [116].

Удивительно, как человек, который ненавидел французов, мог отдать одну из своих дочерей замуж за одного из них.

Ее муж, граф Эжен де Сегюр, был сыном Октава-Габриеля-Генриха и госпожи Фелесите д'Агессо.

Софья Ростопчина, графиня де Сегюр, написала множество прекрасных рассказов для детей, самыми известными из которых стали: «Добрый маленький чертенок», «Генерал Дуракин», «Бедный Блез», «Злой гений» и т.д.

Весной 1823 г., опубликовав брошюру о пожаре в Москве, Ростопчин попрощался с Парижем и Францией. Он привез в Россию коллекцию картин и других произведений искусства взамен тех, что сгорели в Воронове [117].

Граф Ростопчин провел в Воронове первые месяцы после сво-

его возвращения в Россию и, вероятно, воспоминания о поместье, где прошли его самые счастливые годы, были ему по-прежнему дороги. На месте руин снова вырос дворец, и, хотя он не в полной мере восстановил свое великолепие, это было красивое и просторное жилище. В свободное время граф записывал воспоминания о событиях 1812 года. Потом он переехал в Санкт-Петербург, а затем перебрался в Москву [118].

Последние годы своей жизни Ростопчин провел в Москве. Его принимали хорошо, ценили за обходительность и приветливое обращение, но не прощали злословия. В его характере содержалось противоречие: с одной стороны, он был мягким до сентиментальности, а с другой – твердым до жестокости; граф любил громкие высказывания, радел о добре и счастье, но одновременно с этим был способен на поступки, которые трудно оправдать. Как бы то ни было, Ростопчин, несомненно, был человеком умным и энергичным, он очень хорошо знал свою страну и имел точное представление о бунтарском характере русского народа, способного на ярый патриотизм. Он, без сомнения, хорошо разбирался в человеческой природе [119].

Письмо из Москвы от 12/24 августа 1825 к графу Воронцову показывает, в каком тягостном состоянии пребывал Ростопчин в последний год своей жизни. «Мои дочери (Софья де Сегюр и Наталья Нарышкина) находятся так далеко от меня, что я боюсь умереть, пока они будут в дороге. Мой старший сын [120], чуждый мне по духу, не дает о себе знать из Флоренции. Андрей подает слабые надежды, я не успею увидеть его расцвет. Горько мне сидеть в одиночестве в этом хмуром городе среди соотечественников, которые платят мне черной неблагодарностью и превратили меня в жертву своего лицемерия» [121].

Переписка Ростопчина с Воронцовым, дающая яркое представление о состоянии души графа, вызвала отклик князя Петра Вяземского: «Со времен изобретения печатного станка редко появлялись настолько пронзительные книги о событиях прошлого. Этих государственных деятелей [122], как мы видим из переписки, трудно заподозрить в слишком большой преданности Александру. Но есть между ними и существенное различие. Граф Воронцов, настоящий английский тори, судит иногда о политических событиях, как англичанин, однако по манере суждения о прошлом и по

своим чувствам он глубоко русский человек: русский вельможа, как те, что были во времена правления императрицы Екатерины II. Он хладнокровен, независим в своих суждениях и мнениях. Однако его позиция – это позиция английского тори, преданного правительству и правилам правопорядка».

Ростопчин же, наоборот, натура страстная, необузданная, недовольная, вспыльчивая. В своих высказываниях он никогда не скрывал своих истинных чувств. Он скорее фрондер, чем оппозиционер, но фрондер, не знающий меры, кусающий, язык и перо которого заточены, как бритва, и постоянно ранят. Ничто не могло его остановить, он без остатка отдавался своему жестокому и неиссякаемому остроумию. Однако и в первом и во втором проскальзывают нотки трепетной чистой и глубокой любви к России» [123].

Эти рассудительные замечания, несомненно, стоило привести на наших страницах.

О характере Ростопчина говорится в его труде, озаглавленном «Я собственной персоной, или воспоминания, написанные за десять минут». В главе XIII читаем: «Мое счастье состоит в моей независимости от трех человек, которые управляют Европой. Поскольку я достаточно богат, отошел от дел и равнодушен к музыке, мне нечего делить с Ротшильдом, Меттернихом и Россини».

В главе XIV Ростопчин приводит эпитафию себе:

«Здесь положили отдохнуть
Уставшего,
Истощенного душой и телом
Старого дохлого черта.

Проходите, дамы и господа, посмотреть» [124]

Граф Федор Ростопчин умер в Москве 18 января 1826 г. и был похоронен на Пятницком кладбище. Он оставил после себя разные сочинения, среди которых – комедия «Живой мертвец» (1808). Они вошли в сборник, в который также включили его обращения «афиши» к русскому народу 1812 года (Москва, 1853). Его забавные «Воспоминания, написанные за десять минут», были изданы Смирдиным в Санкт-Петербурге в 1853 г.

Друг семьи Ростопчиных, художник Сальватор Тончи [125], чью биографию я собираюсь написать позднее, нарисовал портрет генерала графа Ростопчина, который хранится в Императорской Академии Изящных искусств в Санкт-Петербурге. [126] Он же вы-

полнил портрет супруги генерала и его дочери Софьи в детском возрасте, той, что стала впоследствии графиней де Сегюр. Две последние работы сейчас находятся в Воронове. Граф Сергей Шереметев выкупил их у графа Андрея Ростопчина и передал своей дочери, госпоже Сабуровой.

В 1809 г. великолепный портрет Ростопчина написал Кипренский, я любовался на него во дворце Архивов Министерства иностранных дел в Москве. В Императорском историческом музее в Москве находятся два аналогичных портрета.

Гравюр с портретом Ростопчина великое множество. На немецкой литографии 1815 г. портрет Ростопчина обрамлен дубовыми и лавровыми ветвями и расположен между двумя горящими факелами; внизу изображен герб его рода и подписано: Граф Ростопчин фон Вороново, Императорский русский генерал пехоты.

Портреты графини Екатерины Петровны Ростопчиной выполнял не один Тончи, известна также работа Брауна. Эта прекрасная картина в 1902 г. принадлежала князю П.А. Голицыну и находилась в Москве [127].

Вдова генерала на много лет пережила своего супруга. Летом она жила в своем имении в Воронове, которое муж оставил ей после смерти, а зимой – в московском доме на Басманной. Она скончалась в 1859 г. в возрасте восьмидесяти трех лет и была похоронена в Москве на католическом кладбище. Двое из ее детей пережили свою мать: граф Андрей Ростопчин и графиня де Сегюр.

Личность графа Андрея Ростопчина была не настолько заметной, чтобы мы подробно рассказывали о ней. Молодой и красивый граф Андрей, родившийся в 1813 г., в мае 1833 г. женился (при этом молодая жена чувств супруга не разделяла) на Евдокии Петровне Сушковой, дочери действительного статского советника Петра Васильевича Сушкова и Дарьи Ивановны, урожденной Пашковой. Евдокия родилась 23 декабря 1811 г. Так вот эта молодая графиня Ростопчина является фигурой, весьма примечательной, которая достойна большего, чем простое упоминание. У нее был свой звездный час, и ее имя связано с Вороновом. У Евдокии с детства развивался литературный талант, однако ее литературные труды не находили отклика в патриархальной семье Пашковых, где она воспитывалась.

Сразу после свадьбы молодые зажили весело и открыто в своем

доме на Лубянке, принимая всю Москву. По собственному признанию, графиня была, однако, очень несчастна в браке и стала искать развлечений в свете, была окружена толпою поклонников, к которым относилась далеко не жестоко.

Графиня Ростопчина столько же была известна своей красотой, сколько умом и поэтическим дарованием. Небольшого роста, изящно сложенная, она имела неправильные, но выразительные и красивые черты лица. Большие, темные и крайне близорукие ее глаза «горели огнем». Речь ее, страстная и увлекательная, лилась быстро и плавно, словно торжественный залп. Ее слушатели были очарованы умом, равным которому по силе воздействия был только глубокий томный взгляд, которым она одаривала того, кому хотела нравиться. В свете она была предметом многих сплетен и злословия, к которым светская жизнь ее нередко подавала повод. В то же время, будучи необычайной доброты, она много помогала бедным и все, что получала от своих сочинений, отдавала князю Одоевскому для основанного ей благотворительного общества.

Неоспоримые поэтические заслуги графини Ростопчиной в скором времени получили признание ведущих литераторов того времени. Князь Петр Вяземский назвал ее Московской Сафо, Жуковский высоко ценил «настоящий талант», а Лермонтов в 1841-м перед отъездом на Кавказ посвятил ей следующие строки[128]:

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! – от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...
Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:

Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь.
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.

А перед этим сама Евдокия Ростопчина посвятила Лермонтову два очень теплых стихотворения: «На отъезд» и «Пустой альбом». В 1830 г. он посвятил ей две пьесы в стихах: «Крест над пропастью» и «Додо» (Евдокия).

Графиня Евдокия Ростопчина бегло говорила на французском, немецком, английском и итальянском языках. Ее поэтическая карьера началась с оды Шарлотте Кордей, и первым опубликованным произведением стал «Талисман». Получив поддержку Пушкина, Лермонтова, Жуковского, в 1841 г. она издает свой первый сборник. С 1835-го по 1856 гг. она печатается во всех альманахах и журналах. С 1845-го по 1847 гг. она совершает путешествие за границу, путешествие, разорившее ее мужа и закончившееся в 1847 г. посещением Италии и Рима, где она написала балладу «Насильственный брак»*.

В балладе содержались намеки на отношения с Польшей, и Ростопчиной было запрещено появляться при дворе Николая I.

Графиня Евдокия стала мишенью для едких нападок критиков еще и потому, что могла с легкостью подражать английским и французским поэтам и тем самым вызывала упреки в оксидентализме [129] со стороны славянофилов.

Политические мотивы двигали и озлобленным в ссылке поэтом Огаревым [130], который адресовал ей стихотворение под названием «Отступнице». Приведем два отрывка из этого произведения:

* Точное название – “Насильный брак. Баллада и аллегория. Посвящается мысленно Мицкевичу” (–А.А.).

«Все это только род вступленья,
Чтобы сказать, что как-то раз,
Тревожа тени из забвенья,
Случайно вспомнил я о вас,
Воскресло в памяти унылой
То время светлое, когда
Вы жили барышнею милой
В Москве, у Чистого пруда.
Мы были в той поре счастливой,
Где юность началась едва,
И жизнь нова, и сердце живо,
И вера в будущность жива.
Двором широким проезжая,
К крыльцу невольню торопясь,
Скакал, бывало, я, мечтая –
Увижу ль вас, увижу ль вас!
Я помню (годы миновали!),
Вы были чудно хороши,
Черты лица у вас дышали
Всей юной прелестью души.
В те дни, когда неугомонно
Искало сердце жарких слов,
Вы мне вручили благосклонно
Тетрадь заветную стихов.
Не помню – слог стихотворений
Хорош ли, не хорош ли был,
Но их свободы гордый гений
Своим наитьем освятил.
С порывом страстного участия
Вы пели вольность и слезой
Почтили жертвы самовластья,
Их прах казненный, но святой.
Листы тетради той заветной
Я перечитывал не раз,
И снился мне ваш лик приветный,
И блеск, и живость черных глаз».

Как мы видим, сначала Огарев описывает образ Евдокии Ро-

стопчиной, каким он был для него прежде, а затем обрушивается на нее с жестокой критикой:

«Мне жалко вас.
С иною дамой
Я расквитался б эпиграммой,—
Но перед вами смех молчит,
И грозно речь моя звучит:
Покайтесь грешными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь с горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
В измене ветреной своей —
У молодого поколения,
У всех порядочных людей.
Давно расстроенную лиру
Наладьте вновь на чистый строй;
Покайтесь,— вам, быть может, миру
Сказать удастся стих иной,—
Не тот напыщенный, жеманный,
Где дышит холод, веет тьма,
Где все для сердца чужестранно
И нестерпимо для ума;
Но тот, который, слух лаская,
Звучал вам в трепетной тиши
В те дни, когда вы, расцветая,
Так были чудно хороши.»

Графиня Евдокия Ростопчина находилась в постоянной переписке с другом Пушкина Соболевским. Приведем одно из писем, которое она ему адресовала:

«Одна дама, которую вы просили не писать вам своих признаний, потому что вы не разбираете ее почерк, попросила другую даму, почерк которой разобрать немного проще, передать вам страстное желание обеих встретиться с вами завтра вечером, в воскресенье, 24-го числа, на балу, который дает первая и на котором будет присутствовать и вторая. Обе дамы от вас без ума, но молчи-

те об этом (не случилось бы чего из-за ревности). У меня для тебя есть одно лишь слово. Это слово – вся моя душа. «Кстати, первая дама, которая вас приглашает, это госпожа Надежда Пашкова. А вторая: вы сами не догадываетесь по моим страстным пассажам?.. Так я подпишусь: Влюбленная, Ревнивая, Темноволосая (немного выпившая) Андалузская дева Евдокия Ростопчина». Последнее письмо графини Евдокии Ростопчиной господину Соболевскому, написанное (на французском) за несколько месяцев до ее смерти, было отправлено из Воронова 17 мая 1858 г. «Никогда прежде деревня не была так прекрасна. Так хочется поваляться в сочной траве, что я постоянно борюсь с соблазном ее пощипать. Деревья настолько чудесно зеленые, что хочется стать птицей и свить в ветвях гнездо... Вот, так я и мечусь, раздираемая желаниями четвероногого и пернатого, и оказываюсь в результате прямо посередине между ними, то есть остаюсь женщиной. Может быть, поэтому и присутствует во мне немного от животного и от птицы!...»

В это время Вороново еще не было продано, несмотря на то, что 22 марта 1857 г. граф Андрей Ростопчин сообщил тому же Соболевскому следующее: «Я решил продать Вороново; у меня там 15 766 десятин» (Десятина=1,09 га. – А.А.).

Графиня Евдокия Ростопчина умерла от рака 3 декабря 1858 г. на сорок седьмом году жизни и была похоронена рядом со своим знаменитым свекром на Пятницком кладбище. Гроб с ее телом несли на руках студенты Московского университета. Ее модные в то время стихотворения были собраны в три тома. Однако сегодня они уже почти забыты [131]. Большинство из них графиня сочинила в Воронове и в деревне Анна. Нам известны два портрета графини Евдокии Петровны Ростопчиной. Миниатюра, выполненная Мартэном, которая хранится в коллекции госпожи К. Евреиновой в Санкт-Петербурге.[132] И портрет маслом Кипренского, находящийся в Третьяковской галерее в Москве.

* * *

С болью в сердце граф Андрей Ростопчин был вынужден продать имение в Воронове нескольким людям, имена которых для нас не представляют интереса. Таким образом, поместье было разделено на несколько участков, и вокруг дворца остался небольшой клочок земли. Раздробленность длилась многие годы до тех пор,

пока сын Павла Матвеевича Толстого, ближайшего соседа, жившего в своем имении в Покровском, еще при жизни отца не купил это поместье. Новый владелец, Павел Павлович Толстой взялся за реставрацию поместья бывшего знаменитого губернатора Москвы, и ему удалось успешно завершить ее реконструкцию, в которую он вложил весьма значительную сумму и свой великолепный вкус. Нужно отдать ему должное, имение стало действительно роскошным, таким, каким мы его видим сейчас. Павел Павлович Толстой приходился внуком маршалу Кутузову по материнской линии. Добавим, что ему удалось разыскать коляску маршала, которую тот бросил около Воронова в деревне Моча, где произошло кровавое сражение. Эта коляска хранилась там, а затем г-н Толстой подарил ее Музею Кутузова в Фили, где состоялся важный военный совет после Бородинского сражения. Граф Александр Дмитриевич Шереметев выкупил Вороново у Толстого, а затем перепродал его своему старшему брату графу Сергею Шереметеву, который передал это поместье своей дочери Анне Сергеевне, вышедшей замуж за г-на Александра Петровича Сабурова. Эти владельцы и сейчас живут в Воронове, поддерживают и украшают поместье, а также гостеприимно принимают тех, кто интересуется историческим прошлым этой знаменитой местности. Дом в Воронове в том виде, в котором он предстает сейчас перед нами, очень большой. Он напоминает некоторые европейские замки. Фасад здания выходит на старую Калужскую дорогу, и чтобы войти во дворец, нужно пройти по каменному мосту, на котором в 1812 г. произошло столкновение войск. Конюшни представляют собой огромное здание с четырьмя башнями. Видно, что, по крайней мере, стены этой постройки были воздвигнуты до пожара 1812 г. Об остальных частях здания трудно сказать, были ли они построены в конце XVII века или в начале XVIII в. Известно, что конюшня была и у Артемия Волынского, который, помимо прочего, был и главой государственного конюшенного ведомства. Один подземный ход ведет от конюшни во дворец, а второй – в грот рядом с Юрьевским озером. Аллеи старых красивых деревьев составляют великолепную перспективу от фасада дворца на парк. Она идет до озера и продолжается на другом берегу через лес. Там стоят два обелиска, установленные в честь визита императрицы Екатерины в Вороново. Голландский домик существует и по сей день, он пережил и грабежи, и пожар. В

вороновском парке и сейчас стоит памятник, установленный графом Ростопчиным в память о своем дорогом друге – князе Цицианове. Кроме него, в Воронове гостили граф Головин, маршал граф Румянцев и г-н Новосильцев. Их портреты в полный рост кисти Тончи висят еще и были выкуплены у Ростопчиных графом Сергеем Шереметевым.

Прошлое таких мест представляет двойной интерес для любителей истории: прежде всего событиями, которые там происходили, но также важной ролью, которую играли их владельцы. Вороново тесно связано с выдающимися именами Волынских, Воронцовых и Ростопчиных, и мы надеемся, что французы и русские смогут найти на страницах этого документального очерка сведения, достойные их внимания.

Наш сборник встает в ряд со своими предшественниками, посвященными другим старинным поместьям, расположенным недалеко от Москвы, например: Остафьево [133], Кусково [134] и Вяземы [135].

Мы убеждены в большой пользе воскрешения прошлого этих некогда знаменитых мест, старинных резиденций, освещенных лучами славы своих значительных и выдающихся владельцев. Сколько волнительных воспоминаний, драгоценных произведений искусства, неизученных архивов, поэтических мест сокрыты в деревьях, обреченных на печальное забвение!

Мы надеемся, что собранные нами сведения будут полезны, как эрудитам, так и любознательным людям, интересующимся загадками давно минувших лет.

Нам особенно приятно воскресить на этих страницах великолепное общество, восстановить облик жилищ, которые оно наполняло самыми драматичными событиями.

[Примечания автора]

[1] В книге о генеалогии России мы читаем: «Семья Дмитрия Михайловича Бобрякова (Боброка)»:

«К великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому в Москву приехал из Волыни Дмитрий Михайлович Бобряков (Боброк) со своими двумя сыновьями Борисом и Давидом, и великий князь дал в жены Боброку сестру свою великую княгиню Анну, от которой у

него родился сын Василий, умерший в возрасте 15-ти лет от падения с лошади.

«Второй сын от первого брака имел сына Григория, а последний – двоих: Дмитрия и Михаила Вороновых-Волынских».

Вероятно, название Вороново происходит от имени Вороных?

Л.Савелов: Очерк генеалогического словаря старинной российской знати. Заметки о генеалогии, выпуск II. Москва, 1908, стр.118.

[2] Книга о генеалогии. Издание Московского общества истории и российских древностей. Москва, 1851, стр.111.

[3] Скончалась в 1684.

[4] Скончался в 1690.

[5] (1761-1837)

[6] Дворецкий – придворный титул.

[7] Б. и Г. Колмогоровы: Исторические материалы о церквях и селах XVI-XVIII вв. Очерки о Перемышле, стр. 51. Издание Императорского исторического общества. Москва, 1886 (на русском языке).

[8] Бобыль, русский крестьянин, не имеющий земли. Это слово также обозначает рабочего и крестьянина без семьи.

[9] Писцовая книга – опись населения, имущества и предметов в XVI-XVII вв.

[10] Клецки, от слова «клеть», применялось к деревянным церквям, построенным по принципу русской избы.

[11] Воеводами назывались военные начальники.

[12] Дорогобуж – город Смоленской губернии.

[13] Окольничий – титул второго ранга при царском дворе в XVI-XVII вв.

[14] Князь Лобанов, Генеалогия, т.V, стр. 114, СПб, 1895.

[15] На старорусском языке и до начала XIX в. троюродные братья и сестры назывались просто братьями и сестрами. Вероятно, Марфа Александровна и Федор Васильевич Волынский были именно троюродными.

[16] Три музыкальных инструмента: тимпан – цимбал; зурна – подобие флейты; литавра – подобие барабана.

[17] Семен Азарьин, Чудеса Святого Сергия. Издание Общества старинных русских текстов, СПб, 1888, стр. 62,63.

[18] Князь Лобанов, Генеалогия, т.V, стр. 114, СПб, 1895. Старинная русская библиотека, т. 24, стр. 97 и 103.

[19] Рында – царская почетная гвардия, в которой служили молодые аристократы в XVI-XVII вв.

[20] Город Тульской губернии.

[21] Приказ – этот термин употреблялся с XVI в. до эпохи Петра Первого, а затем был заменен на коллегию, а сейчас соответствует министерству.

[22] Наместник – дословно «на месте», то есть представитель Великого Князя, монарха. В наши дни этот титул соответствует титулу губернатора.

[23] В наши дни город Казанской губернии.

[24] И оставался им до 1682.

[25] Дозорная Книга патриаршего приказа. Сборник сведений о частных владениях.

[26] Руга – церковные земли и имущество, отведенные на содержание всего причта; годичное содержание попу и причту от прихода.

[27] Местничество, от слова «место», ранг, положение по рождению.

[28] Стрельцы – солдаты пехоты.

[29] Генеалогические исследования Миллера. – Старинная русская библиотека, т. XXII, 2-ое издание Новикова. – Отношения между нашим и европейскими Дворами Бантича-Каменского-отца. – История незаслуженной ссылки Артемона Сергеевича Матвеева. – Словарь знаменитых людей земли русской Дмитрия Бантича-Каменского. Москва, 1836.

[30] Он был напечатан в Истории Министерства иностранных дел, опубликованной министерством по случаю столетия.

[31] Ровинский: Перечень русских гравюрных портретов. СПб, 1886, т. I, стр. 526.

[32] Дело Салникоева: Собрания Императорского общества по истории и русским древностям, т. III, стр. 28 и 29. – Русская старина, 1885.

[33] Старшая, Анна, стала послушницей в монастыре Явления Богородицы в Иркутске, а младшая, ей было всего четырнадцать лет, в монастыре Рождества Христова в Енисейске.

[34] Бантыш-Каменский: Словарь знаменитых людей земли русской. Москва, 1836, т. I, стр. 331 и далее.

[35] 17 октября 1740.

[36] Божерьянов: Невский проспект с 1703 по 1903. Издание по случаю юбилея Санкт-Петербурга, т. I, стр. 64.

[37] Завещание Екатерины II. Оригинал, найденный и изданный М.Р. Лонгиновым, принадлежал М.Жуковскому. Опубликовано в Собрания Императорского общества по истории и русским древностям, 1858, т. IV, стр. 143-144.

[38] Граф Никита Панин, читая подробности дела Волынского, почувствовал себя нехорошо, увидев, как жестоко с ним обошлись.

[39] Собрания Императорского общества по Истории и Русским древностям, т. IV, стр. 182.

[40] Энциклопедический словарь. СПб, 1892.

[41] Бантыш-Каменский: Словарь знаменитых людей земли русской. Москва, 1836, т. I, стр. 133.

[42] Воспоминания княгини Дашковой. СПб, 1907, стр.121.

[43] Близкая подруга Петра III.

[44] Придворная писцовая книга. СПб, 1878.

[45] Русские портреты XVIII-XIX вв., т. IV, №70, 1908.

[46] В Вороновской церкви находится алтарь, посвященный святому мученику Артемию.

[47] Письмо адресовано Александру Романовичу Воронцову: Архивы Воронцовых, т. XXXII, стр.224.

[48] Бланк – русский архитектор XVIII в. В письме упоминается время строительства Голландского домика, который еще сохранился в Воронове.

[49] Ирина Ивановна Исмаилова, супруга Иллариона Ивановича Воронцова; ее сестру, княгиню Голицына, называли Принцессой ночи.

[50] Архивы Воронцова, т. XXXII, стр. 224.

[51] Письма Дмитрия Бутурлина: Архивы Воронцовых, т. XXXII.

[52] Граф Бутурлин. Русские архивы, 1869, А.П. Бартнев (на русском языке).

[53] Ошибка. Речь идет о графе Артемии Воронцове.

[54] Граф А. де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, Московского градоначальника в 1812, издание 2-ое, стр. 101. Париж, 1873.

[55] Русские портреты XVIII-XIXвв. Издание великого князя Николая Михайловича, т. I, №12. СПб, 1905.

[56] Граф де Сегюр допустил ошибку: она была не Краковой, а Крюковой.

[57] Граф А. де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, стр.5. Париж, 1873.

[58] Губернатор Сибири, кажется, никогда не собирался в Сибири жить. Однажды император в его присутствии и в присутствии Ростопчина похвастался своей зоркостью. «Нет, вы мне сначала расскажите, – сказал Ростопчин, – о зорком глазе г-на губернатора, который видит Сибирь из самого Петербурга». – Личная переписка Марии Эдгевор, стр. 122-123. Париж, 1896.

[59] Русские портреты XVIII-XIX вв., т.I, №12. СПб, 1905.

[60] Имеется в виду двор наследника престола, великого князя Павла.

[61] Русские портреты XVIII-XIX вв., т.I, №11.

[62] Санкт-Петербург, 20 августа 1795.

[63] Переписка графа Ростопчина с графом Симоном Воронцовым, послом в Англии, опубликованная в Москве в 1876 Бартеневым в «Архивах князя Воронцова», т.VIII. Многие письма написаны на французском языке, и многие из них с 1801 отправлялись из Воронова.

[64] Последний день Екатерины II, записки графа Ростопчина. Ишенья, 1860, т. III.

[65] Коллегия – термин, употреблявшийся в ту пору для обозначения министерства.

[66] Полное собрание сочинений князя Петра Вяземского, т. VII.

[67] Там же, стр.125.

[68] Большая Энциклопедия.

[69] Русские портреты XVIII-XIX вв., т.I, №12, 1905.

[70] Переписка графа Ростопчина с графом Воронцовым, опубликованная Бартеневым в «Архивах князя Воронцова», т.VIII, Москва, 1876.

[71] Граф де Сегюр забывает, что в то время рабство еще не было отменено, и прислуга не нанималась на работу, а была приписана к усадьбе.

[72] Граф де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, стр. 101 и далее. Дом Ростопчина в Москве находился на Лубянке, недалеко от костела Св. Людовика Французского.

[73] Ф. Тастевин: История французской колонии в Москве от истоков до 1812, стр. 135-136, Москва, 1908.

[74] В одном письме Ростопчина (от 28 апреля 1813) к графу Воронцову проскальзывает его сожаление о том, что он вынужден удалиться из Воронова: «Вы знаете, что после смерти Императора Павла я уединенно жил в Воронове в кругу семьи, в мире и счастье».

[75] Русские портреты XVIII-XIX вв., т.I, №12, 1905.

[76] Василий Верещагин: Наполеон I в России, стр. 7, Париж, 1897.

[77] Граф де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, стр. 280, Париж, 1873.

[78] Барон Поль де Бургуан: Воспоминания о современной истории; эпизоды военные и политические, стр. 166, Париж, 1864. – Барон Поль де Бургуан, который жил вместе с генералом Делабордом, также рассказывает, что когда они захотели развести огонь в огромных шведских печах во дворце Ростопчина, они обнаружили внутри печей и в печных трубах «целый арсенал маленьких бочонков, наполненных взрывчатыми веществами».

[79] Василий Верещагин: Наполеон I в России, стр. 9, Париж, 1897.

[80] Барон Денье: Маршрут императора Наполеона во время кампании 1812, стр. 100, Париж, 1842.

[81] Генерал Гурго: Наполеон и Великая армия в России, или Критические замечания к сочинению графа де Сегюра, стр. 293, Париж, 1825.

Приведу также мнение Коха о маневре Кутузова:

«По моему мнению, главное было помешать Кутузову занять позицию в Тарутине, помешать ему дожидаться подкрепления с востока и юга России. Как только было принято решение о размещении французских войск в Москве, судьба кампании стала зависеть от ответной силы и расположения армий. Маршалу Кутузову за шесть недель удалось удвоить свои батальоны, и, помимо этого, он смог выставить огромную кавалерию; в то время как армия Наполеона увеличилась лишь на десять тысяч. Таким образом, силы стали не равны, и чем дольше длилось это положение, тем сложнее было французам удержаться в Москве.» (Анализ истории Наполеона и Великой армии, граф де Сегюр, и критика генерала Гурго, стр. 20, Париж, 1826.)

[82] Барон Эрнуф: Воспоминания польского офицера (генера-

ла Брандта). Сцены военной жизни в Испании и России, стр. 299, Париж, 1877.

[83] Генерал Гурго: Наполеон и Великая армия в России, или критические замечания к сочинению графа де Сегюра, стр. 293, Париж, 1825.

[84] Забелин: Кунцево и древний Сетуньский стан, стр. 102.

[85] Е.Д. Форж: Сир генерал Роберт Вильсон, комиссар русско-го военного лагеря во время войны 1812, Париж, 1861.

[86] Сочинения Ростопчина. Издание Смирдина, СПб, 1853 (на французском и русском языках).

[87] Издание десятое, т. II, стр. 78, Париж, 1834.

[88] Барон Эрнуф: Воспоминания польского офицера (генерала Брандта). Сцены военной жизни в Испании и России (1808-1812), стр. 300, Париж, 1877.

[89] Там же, стр. 300.

[90] Кампания Бонапарта 1812, 1813 и 1814 вплоть до его отречения. Перевод с немецкого М. Бретона де ла Мартиньера, присягнувшего переводчика, стр. 55, Париж, 1814.

[91] Переписка графа Ростопчина с графом Воронцовым, послом в Англии; опубликована в Архивах князя Воронцова Бартедьевым, т. VIII, Москва, 1876.

[92] Граф Ростопчин: Правда о пожаре в Москве, Париж, 1823.

[93] По старому стилю.

[94] По старому стилю.

[95] Полковник Д. Бутурлин: История захвата России Наполеоном в 1812, т. I, стр. 324-325, СПб, 1824 (на русском языке).

[96] Анекдоты о графе Милорадовиче, собрание его двоюродного внука, графа Григория Милорадовича, СПб, 1886 (на русском языке).

[97] Барон Эрнуф: Воспоминания польского офицера (генерала Брандта). Сцены военной жизни в Испании и России (1808-1812), стр. 299, Париж, 1877.

[98] Барон Денъе: Маршрут императора Наполеона во время кампании 1812, стр. 101, Париж, 1842.

[99] Полковник Бье: Забавные военные воспоминания, стр. 47, Париж, 1901.

[100] Генерал граф де Сегюр: История Наполеона и Великой армии в 1812, стр. 107, издание 10-е, Париж, 1834.

[101] В подобной ситуации, откровенно говоря, нарушения перемирия не было: «Армиями официально никогда не заключали перемирия, только аванпосты Милорадовича на несколько дней прекратили военные действия и выразили армии Неаполитанского короля (Мюрата) свое желание и надежду на мирное окончание противостояния. Этими лживыми действиями русские ввели нас в заблуждение и заставили поверить в то, что они действительно ожидают посыльного из Санкт-Петербурга. Посыльный должен был приехать 20 октября, а русские застали нас врасплох 18-ого; это дало повод говорить о том, что они атаковали за три дня до окончания перемирия». (Командир эскадрона Ежен Лабом: Подробный доклад о русской кампании 1812, издание 4-е, стр. 248, Париж, 1815.)

[102] Тьер: История Консульства и Империи, т. XIV, стр. 459.

[103] Граф А. де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, стр. 280, Париж, 1873.

[104] Барон Денье: Маршрут императора Наполеона во время кампании 1812, стр. 107-108, Париж, 1842.

[105] Генерал Богданович: История кампании 1812 года, т. III, СПб, 1860 (на русском языке).

[106] Там же.

[107] Жизнь Планата де ла Фай: Воспоминания и письма, составленные его вдовой, стр. 94-95, Париж, 1895.

[108] Рассказ о пребывании французов в Москве и о ее поджоге одним московским жителем 1812 с приложением многочисленных документов, относящихся к этому событию. Издание А. Гарадюзля, стр. 80-81, 86-87, 89, Брюссель, 1871.

[109] Граф де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, издание 2-е, стр. 287, Париж, 1873.

[110] Русские портреты XVIII-XIXвв. Издание великого князя Николая Михайловича, т. I, №12, СПб, 1905.

[111] Сын Ростопчина, родился в 1813.

[112] Переписка графа Ростопчина с графом Семёном Воронцовым, опубликованная Бартеневым в Архивах князя Воронцова, т. III, Москва, 1876.

[113] Наталья (1797-1866).

[114] Софья (1798-1876).

[115] Граф де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, издание 2-е, стр. 373, Париж, 1873.

[116] Переписка графа Ростопчина с графом Семёном Воронцовым, опубликованная Бартеньевым в Архивах князя Воронцова, Москва, 1876.

[117] Русские портреты XVIII-XIX вв. Издание великого князя Николая Михайловича, т. I, №12, СПб, 1905.

[118] Граф де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, издание 2-е, стр. 377, Париж, 1873.

[119] Русские портреты XVIII-XIX вв.

[120] Сергей Ростопчин (1796-1836).

[121] Переписка графа Ростопчина с графом Семёном Воронцовым.

[122] Ростопчин и Воронцов.

[123] Воспоминания князя Вяземского. Русские архивы, стр. 468-469, Москва, 1876.

[124] Граф де Сегюр: Жизнь графа Ростопчина, издание 2-ое, стр. 378, Париж, 1873.

[125] Сальватор Тончи – в России назывался Николаем Ивановичем Тончи – родился в Риме в 1756. В 1805 переехал из Италии в Москву, а в 1806 женился на княгине Наталье Гагариной. Нарисовал множество портретов. До конца своих дней служил инспектором в Дворцовом Архитектурном училище и умер в Москве в 1844. (Энциклопедический словарь, т. LXVI, стр. 511, СПб, 1901).

[126] Существует еще один портрет работы того же мастера, он хранится в музее Румянцева.

[127] Русские портреты XVIII-XIX вв. Издание великого князя Николая Михайловича, т. I, №11, СПб, 1905.

[128] Русская библиотека, т. II, 1841.

[129] Русские портреты XVIII-XIX вв., т. II, №119.

[130] Огарев – очень талантливый лирический поэт.

[131] Санкт-Петербург, 1857.

[132] Русские портреты XVIII-XIX вв., т. II, №119, СПб, 1906.

[133] Остафьево, 1904.

[134] Кусково – резиденция русского вельможи XVIII в., 1905.

[135] Вяземы, 1908

БАРОН ДЕ БАЙ В РОССИИ

Фрагменты биографии

Археолог и этнограф барон Жозеф де Бай (31.01.1853 – 31.05.1931) родился в провинции Шампань, принадлежал к старинному роду. Образование получил в парижской Академии наук, посвятив себя археологии.

Впервые в Россию приехал в 1890 году на археологический съезд. С этой даты его научная деятельность на протяжении почти 30 лет неразрывно связана с Россией. Здесь его звали Иосиф Августович, а он, полюбив Россию, называл себя «...полу-русским, полу-французом».

Он предпринимает грандиозное путешествие от Волги до Иртыша. Посетил Екатеринбург, и был рад «встретить восхитительный русский город». На Урале де Бай совершает научные экспедиции по природным и археологическим памятникам. Его избирают почетным членом Уральского общества любителей естествознания. На основе этих и других поездок он выступает в Екатеринбурге с лекцией «По Волге и Иртышу».

Кроме центральной России, Сибири и Урала он изучал обычаи и нравы народов Кавказа и Крыма. Де Бай составил карту Абхазии.

Особый интерес у него вызывал поход Наполеона в Россию. Он собирал все, что имело отношение к Отечественной войне 1812 года. Всю свою коллекцию, составляющую более двух тысяч предметов, он подарил будущему Музею 1812 года. В 1912 году он был награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

В июле 1914 года барон де Бай вновь приезжает в Россию и, из-за начавшейся мировой войны, вынужден был находиться здесь около шесть лет.

Он сразу же включается в политическую и патриотическую жизнь России. Пишет статьи в бартеневский «Русский архив». В них он критикует агрессивную политику Пруссии, Вильгельма. 29 октября 1914 года он произносит в Москве свою патриотическую речь «Размышления француза в его втором Отечестве». Де Бай го-

ворит духоподъемные слова: «В один из первых мрачных дней нашествия на нашу землю, я, с тяжелым сердцем, со слезами на глазах, думал о том, что происходит там. Печаль давила меня. Вдруг, чтобы разогнать мое оцепенение, я направил взор к окну моей комнаты. Величавое зрелище представилось мне. Небо было еще покрыто грозowymi тучами, но на горизонте ваши чудные Кремлевские купола сияли во всем блеске, и, как будто, чтобы сделать это зрелище еще более волнующим, огромная радуга, сияя красками, обрамляла безчисленные золотые кресты. Мне показалось, что эта радуга простирала лучи надежды России до Франции, и что это явление было символом. Мне показалось, что чудесным призраком, с неба вашего на небо наше, простиралось видение радуги утешительницы, – видение пророческое, возвещающее скорую зарю славы и победы.»¹ (Пер. с фр. Н.С.Познякова).

Круг общения барона в России был весьма обширен. Он вел переписку и был знаком с историками Дм. И. Иловайским, И. Е. Забелиным, меценатами П. И. Щукиным и С. И. Мамонтовым, художниками В. Д. Поленовым, В. М. Васнецовым, Н. К. Рерихом.

9 мая 1895 года барон де Бай пишет из Парижа Виктору Михайловичу Васнецову:

«Милостивый Государь!

Уже шесть раз читал я публично о Ваших созданиях, и имя Ваше всюду приветствовалось, как имя великого художника. Теперь, благодаря этим чтениям, Вы хорошо знакомы Парижу и талант Ваш оценен, как и заслуживает.

После моих чтений о Вас в Амьене в «Обществе любителей художеств» департамента Соммы, в присутствии 900 слушателей, председатель «Общества любителей художеств» послал Вам депешу, оставшуюся без ответа. Опасаюсь, что депеша эта Вам не доставлена: если это верно, то потрудитесь рекламировать ее, чтобы получить возможность поблагодарить членов названного Общества, которые хотели этим путем свидетельствовать Вам свое восхищение. Вот адрес: Общество св. Иоанна, Париж, ул. Св. Отцов, 76. Общество Вам послало также приветственную депешу, и она осталась без ответа. Художники этого Общества боятся также, что Вы не получили их восторженной телеграммы. Все это заставляет меня предполагать, что Вас нет в Москве. Как только будете в состоянии, получите эти свидетельства, которые Вам скажут,

сколько я «поднял восторгов». Вы сделаете много удовольствия, поблагодарив эти два Общества, рукоплещущие Вам. Скоро я буду в России, проеду Москвой, еду в Пермь, в начале июня.

Ваш друг и преданный поклонник Барон де Бай»² (Пер. с фр. И.С.Остроухова).

На этих чтениях де Бай высказал такую мысль о художнике: «... Васнецов предстает перед нами как новатор, стоящий во главе Ренессанса и подъема русской национальной живописи»³.

Поистине бескорыстным доказательством любви к России следует считать труд де Бая по созданию исторических очерков об усадьбах Остафьево (1904), Кусково (1905), Вяземы (1908) и Вороново (1909) – все на французском языке. О том, с каким тщанием относился к этой работе де Бай, свидетельствуют более 130 ценнейших примечаний к его «Воронову».

Вырвавшись в 1918 году из застенков ЧК, он и потом приезжал в Россию. Последний раз в 1924 году.

¹ Барон де Бай. Размышления француза в его втором Отечестве. М., 1914. С. 31.

² Виктор Михайлович Васнецов. М., 1987. С. 273

³ Там же. С.9.